

АПИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 13 (299), 2026 // apni.ru

часть III

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 13 (299)

Часть III

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МАН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хайтова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Юсупова Феруза Зойировна, доктор философии (PhD) (Навоийский государственный горно-технологический университет)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Михалёв С.А.

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДОХОДНОЙ
БАЗЫ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 6

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Джавадова М.М., Тесленко М.Д.

РОЛЬ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ..... 9

Дуйсекенов А.Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКРИЗИСНЫХ
СТРАТЕГИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ..... 13

Кабылтай Т.

КРИ-АРХИТЕКТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ УСКОРЕННОГО ВЫВОДА ОТДЕЛА
ПРОДАЖ НА ПЛАНОВУЮ ПРОДУКТИВНОСТЬ 16

Конькова А.А.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СУДЕБНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ..... 20

Нго Тхи Йен

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ 23

Свищова А.А.

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ЕГО
ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 26

Сидоров Г., Попова В.К.

БИЗНЕС-ПЛАН ПО РАЗВЕДЕНИЮ ТАБУННОГО КОНЕВОДСТВА В с. БЕДЖЕЛЕК
МЕГИНО-КАНГЛАССКОГО УЛУСА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) 29

ПЕДАГОГИКА

Fan Xingchen

DIGITAL TRANSFORMATION IN EDUCATION AND PARENTAL EMOTIONAL
SUPPORT DURING SCHOOL TRANSITIONS: A COMPARATIVE STUDY OF CHINA
AND KAZAKHSTAN 32

Hamatan Hengbati

A STUDY ON CLASSROOM TEACHING PRACTICE IN VOCATIONAL EDUCATION
IN THE ERA OF DIGITAL INTELLIGENCE 37

Сангинов Б.К.	
МЕТОДҲОИ БОЗИГӢ ВА МУСОБИҚАВӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ БАЛАНД БАРДОШТАНИ САТҲИ САЛОМАТИИ ТАЪЛИМГИРАНДАГОН	41
Пастухова Т.И.	
СЕНСОРНАЯ ЮБКА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.....	46
Пшеничная И.С., Нетеча Е.В.	
ДЕТСКИЙ ПОДКАСТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВЫ У ДОШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ДОУ.....	49
Спрыгина Е.В.	
ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ С ОБЪЕКТАМИ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ	52

ПСИХОЛОГИЯ

Баглей А.В.	
ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ НЕОТЛОЖНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ	56
Котенко В.В., Соловьева О.Н., Иванова Л.В.	
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СЕНСОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАБОТЕ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ	60

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

МИХАЛЁВ Сергей Анатольевич

магистрант, Московский международный университет, Россия, г. Москва

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДОХОДНОЙ БАЗЫ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается роль муниципальной собственности в формировании доходной базы местных бюджетов Российской Федерации; раскрывается экономико-правовая сущность муниципальной собственности, ее двойственный характер как инструмента реализации публичных функций и источника бюджетных доходов.*

***Ключевые слова:** муниципальная собственность, местные бюджеты, доходная база, неналоговые доходы, муниципальное имущество.*

Муниципальная собственность в Российской Федерации выступает одной из форм публичной собственности и составляет материальную основу осуществления местного самоуправления [1, с. 12]. Ее правовое регулирование осуществляется нормами гражданского, бюджетного и муниципального права.

С экономической точки зрения муниципальная собственность представляет собой совокупность имущественных объектов, находящихся в распоряжении муниципального образования и используемых для удовлетворения общественных потребностей, а также для извлечения доходов в целях формирования местного бюджета [2, с. 34]. В отличие от частной собственности, ее использование ориентировано не только на получение прибыли, но и на достижение социально значимых целей [4, с. 26].

Правовой аспект муниципальной собственности выражается в закреплении за муниципальными образованиями права владения, пользования и распоряжения имуществом. При этом органы местного самоуправления реализуют данные полномочия в интересах населения соответствующей территории.

В состав муниципальной собственности входят земельные участки, здания и сооружения, объекты инфраструктуры, жилищный

фонд, а также имущество муниципальных предприятий и учреждений [3, с. 44]. Значительная часть данного имущества может выступать источником доходов местных бюджетов при условии его эффективного использования.

Особенностью муниципальной собственности является двойственный характер ее функционирования: с одной стороны, она обеспечивает выполнение публичных функций, а с другой – выступает экономическим ресурсом, способным приносить доход, – данное обстоятельство обуславливает необходимость поиска баланса между социальными и фискальными целями ее использования [5, с. 53].

Доходная база местных бюджетов в Российской Федерации формируется за счет налоговых, неналоговых поступлений, а также безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов бюджетной системы. При этом в условиях высокой зависимости муниципальных образований от межбюджетных трансфертов особое значение приобретает развитие собственных источников доходов, к числу которых относятся доходы от использования муниципальной собственности.

Доходы от муниципальной собственности входят в состав неналоговых доходов местных бюджетов и включают поступления от сдачи

имущества в аренду, его приватизации, а также дивиденды и иные доходы от участия муниципальных образований в хозяйственных обществах. Существенную роль также играют доходы от деятельности муниципальных унитарных предприятий, однако их вклад в бюджетную систему зачастую ограничен вследствие низкой рентабельности и управленческих проблем [3, с. 44].

Анализ статистических данных свидетельствует о существенной роли доходов от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, в структуре неналоговых доходов местных бюджетов. Так, в 2019 году объем соответствующих поступлений составил 98,9 млрд руб., в 2021 году – 167,7 млрд руб., а к 2024 году достиг 200,4 млрд руб. (рис. 1) [6].

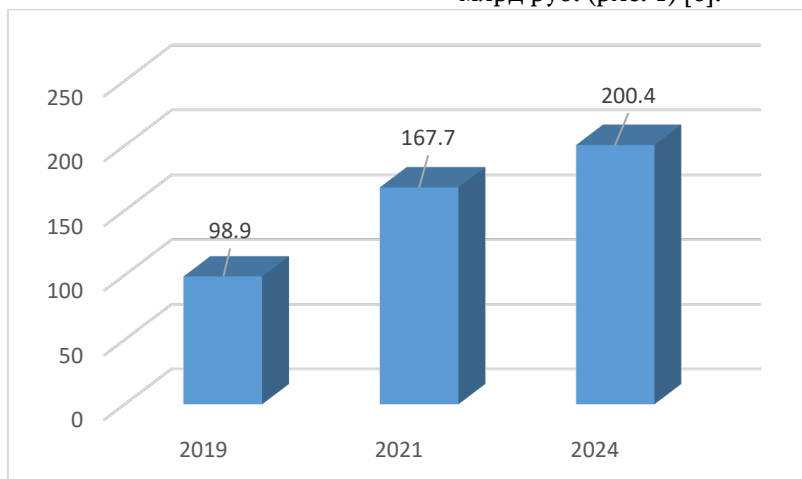

Рис. 1. Объемы доходов муниципалитетов РФ от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, млрд руб.

Вместе с тем, несмотря на рост абсолютных показателей, их удельный вес в структуре неналоговых доходов имеет тенденцию к

снижению: с 58,7% в 2019 году до 56% в 2021 году и 50% в 2024 году (рис. 2) [6].

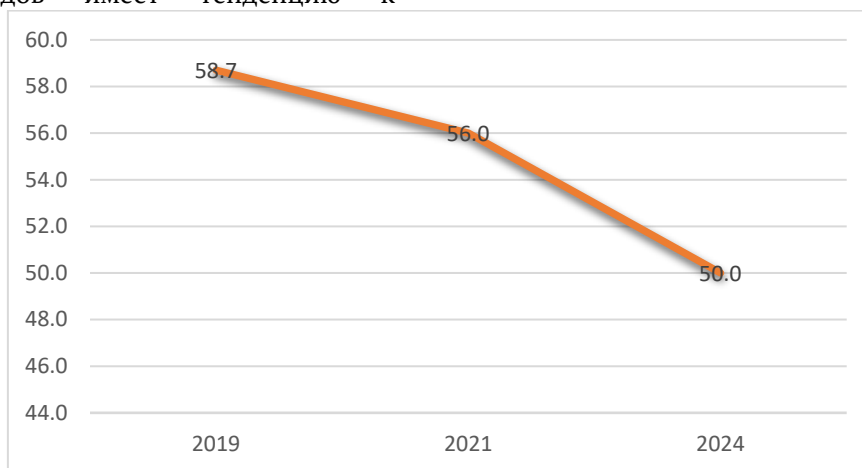

Рис. 2. Доля доходов муниципалитетов РФ от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, в составе неналоговых доходов, %

Динамика свидетельствует о том, что, с одной стороны, доходы от использования имущества остаются ключевым источником неналоговых поступлений, а с другой – их относительная значимость постепенно сокращается.

Снижение доли имущественных доходов может быть обусловлено как расширением других источников неналоговых поступлений, так и недостаточной эффективностью управления муниципальной собственностью. При этом

рост абсолютных значений указывает на сохраняющийся потенциал имущественного комплекса как источника бюджетных доходов.

Таким образом, представленные данные подтверждают двойственный характер роли муниципальной собственности: она остается базовым элементом формирования неналоговых доходов местных бюджетов, однако ее потенциал используется не в полной мере, что требует совершенствования механизмов

управления и повышения эффективности использования муниципального имущества.

Вместе с тем доходы от муниципальной собственности обладают рядом преимуществ как источника формирования бюджетных средств. Они характеризуются относительной устойчивостью при наличии долгосрочных договоров аренды, а также возможностью гибкого регулирования со стороны органов местного самоуправления. Кроме того, эффективное управление муниципальным имуществом способствует не только увеличению бюджетных поступлений, но и повышению инвестиционной привлекательности территории [5, с. 54].

Несмотря на указанные преимущества, использование муниципальной собственности в качестве источника доходов сопровождается рядом проблем. К ним относятся недостаточная инвентаризация имущества, наличие неиспользуемых или неэффективно используемых объектов, заниженные арендные ставки, а также ограниченная прозрачность управления муниципальными активами. Указанные факторы приводят к снижению доходного потенциала муниципальной собственности и, как следствие, к недополучению средств местными бюджетами.

Таким образом, муниципальная собственность занимает важное, но в настоящее время недостаточно реализованное место в структуре

доходной базы местных бюджетов Российской Федерации. Повышение эффективности ее использования способно стать значимым резервом укрепления финансовой самостоятельности муниципальных образований.

Литература

1. Беляева И.Ю. и др. Теоретические основы управления государственной и муниципальной собственностью / Под ред. д.э.н., проф. И.Ю. Беляевой, д.э.н., проф. М.А. Измайловой. – М.: КноРус, 2024. – 206 с.
2. Дойников И.В. Управление государственной и муниципальной собственностью: Учебник. – М.: Юстиция, 2026. – 182 с.
3. Еремин С.Г. Современные проблемы управления государственной и муниципальной собственностью: Монография. – М.: ЮстицИнформ, 2014. – 192 с.
4. Изотова Г.С., Еремин С.Г., Галкин А.И. Управление государственной и муниципальной собственностью (имуществом): Учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2026. – 313 с.
5. Моттаева А.Б., Моттаев А.Б. Проблемы управления государственной и муниципальной собственностью на современном этапе. – М.: МИСИ, 2017. – 162 с.
6. Минфин: результаты мониторинга. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local.

MIKHALEV Sergey Anatolyevich

Master's Student, Moscow International University, Russia, Moscow

THE ROLE OF MUNICIPAL PROPERTY IN THE FORMATION OF THE REVENUE BASE OF LOCAL BUDGETS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the role of municipal property in the formation of the revenue base of local budgets of the Russian Federation; reveals the economic and legal essence of municipal property, its dual nature as a tool for the implementation of public functions and a source of budget revenues.*

Keywords: *municipal property, local budgets, revenue base, non-tax revenues.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ДЖАВАДОВА Милана Мурадовна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

ТЕСЛЕНКО Михаил Дмитриевич

студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

РОЛЬ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье налоговый контроль рассматривается в качестве одного из способов обеспечения экономической безопасности организации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, налоговая безопасность, налоговый контроль, налоговые риски, налоговое планирование.

В условиях нестабильности налогового законодательства, ужесточения налогового администрирования и цифровизации контрольных мероприятий обеспечение экономической безопасности организации невозможно без создания эффективной системы налоговой безопасности. Как справедливо отмечают исследователи, налоговая безопасность является фундаментальным элементом экономической безопасности, поскольку именно налоговые риски способны привести к значительным финансовым потерям, доначислению налогов, пеней и штрафов, а в ряде случаев – к уголовной ответственности руководителей.

Вместе с тем, в нормативно-правовых актах отсутствует единое определение налоговой безопасности на уровне организации, что делает актуальным формирование теоретико-методологического подхода к пониманию роли налогового контроля в системе экономической безопасности. В научной литературе сложилось несколько подходов к определению налоговой безопасности.

Так, Б. В. Воронцов определяет налоговую безопасность организации как «финансово-экономическое состояние налогоплательщика, обеспеченное минимизацией налоговых рисков, при котором со стороны хозяйствующего субъекта полностью и своевременно

уплачиваются начисленные налоги, а со стороны исполнительных и законодательных органов обеспечивается предусмотренная законом защита налогоплательщика» [3, с. 34].

Г. М. Коркина предлагает рассматривать налоговую безопасность предприятия как финансово-экономическое состояние, обеспечивающее возможность выполнения налоговых обязательств перед государством в условиях минимизации налоговых рисков и защиты налоговых интересов обоих участников налоговых правоотношений [4].

Малова Т. А., проанализировав научные публикации, которые посвящены особенностям налоговой безопасности, выявила два основных подхода к определению налоговой безопасности предприятия, а именно:

- понятие налоговой безопасности тождественно понятию налоговой оптимизации;
- налоговая безопасность рассматривается через призму минимизации рисков.

Автор под налоговой безопасностью понимает следующее: это способность предприятия противостоять внешним и внутренним угрозам в целях реализации мероприятий по налоговой оптимизации [5, с. 2].

Второй подход представляется более обоснованным, поскольку позволяет учесть не только легальное снижение налоговой

нагрузки, но и предотвращение негативных последствий, связанных с возможными налоговыми правонарушениями. Обобщая приведённые определения, можно заключить, что налоговая безопасность организации – это состояние защищённости её финансово-хозяйственной деятельности от внутренних и внешних налоговых угроз, достигаемое посредством эффективной системы налогового контроля, планирования и управления рисками, обеспечивающее своевременное и полное исполнение налоговых обязательств при минимизации финансовых и репутационных потерь.

Существуют различные классификации налоговых рисков. Наиболее распространённым является деление на внешние и внутренние по характеру возникновения. К внешним угрозам относятся изменения налогового законодательства (отмена льгот, повышение ставок), взаимодействие с недобросовестными контрагентами, позиция налоговых органов и судебная практика, макроэкономическая нестабильность. Внутренние угрозы включают применение схем уклонения от налогообложения (взаимодействие с фирмами-однодневками), ошибки в ведении бухгалтерского и налогового учёта, отсутствие или несоблюдение налоговой политики организации, неэффективную систему внутреннего контроля [1, с. 6].

Особую группу составляют риски, связанные с критериями отбора налогоплательщиков для выездных налоговых проверок. ФНС России в Приказе от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ установила двенадцать критериев оценки рисков, включая налоговую нагрузку ниже среднеотраслевого уровня, отражение в отчётности убытков на протяжении нескольких периодов, значительный удельный вес налоговых вычетов по НДС (89% и более), несоответствие уровня заработной платы среднеотраслевому, приближение к предельному показателю выручки для применения специальных режимов и другие [7].

Как отмечают Е. Л. Гулькова, М.В. Карп и М.В. Типалина, указанные критерии обновляются ежегодно, и налогоплательщикам целесообразно проводить самостоятельный мониторинг по этим показателям с использованием интерактивных сервисов ФНС («Прозрачный бизнес», личный кабинет налогоплательщика, раздел «Как видит меня налоговая») [8, с. 5].

Для обеспечения налоговой безопасности необходимо регулярно проводить

количественную и качественную оценку рисков. Основными показателями выступают налоговая нагрузка и уровень налоговых вычетов. Совокупная налоговая нагрузка рассчитывается как отношение суммы уплаченных налогов к выручке (без НДС и акцизов). Если полученный показатель ниже среднеотраслевого, риск включения в план выездных проверок возрастает.

Налоговая нагрузка по отдельным налогам имеет свои пороговые значения: по налогу на прибыль для торговых предприятий – не менее 1%, для производственных – не менее 3%; по НДС доля вычетов 89% и более за квартал считается низкой нагрузкой и влечёт повышенное внимание налоговых органов [1, с. 1-11]. Для целей внутреннего контроля организация может использовать автоматизированные инструменты. Так, в программе «1С: Бухгалтерия» реализована функция оценки риска налоговой проверки по 12 критериям ФНС с формированием предупреждений при отклонении от нормативных значений [8, с. 5].

Кроме того, эффективным методом является предварительная проверка контрагентов. Схема проверки должна включать анализ выписки из ЕГРЮЛ, проверку адреса массовой регистрации, установление факта нахождения контрагента в стадии банкротства, запрос копий лицензий и документов о праве подписи, проверку подлинности электронной подписи.

Несмотря на наличие методических рекомендаций, на практике сохраняется ряд проблем, снижающих эффективность налогового контроля в системе экономической безопасности.

Во-первых, это нестабильность налогового законодательства. Налоговый кодекс Российской Федерации ежегодно подвергается многочисленным изменениям: корректируются ставки, порядок исчисления налогов, условия применения специальных режимов, вводятся новые институты (например, налоговый мониторинг, единый налоговый счёт) и одновременно исключаются ранее действовавшие льготы. Такая динамика создаёт объективные трудности для хозяйствующих субъектов, особенно для малого и среднего бизнеса, не имеющего в штате профильных налоговых специалистов. Постоянная адаптация внутренних регламентов требует значительных временных и финансовых затрат, а несвоевременное внесение изменений в учётную политику или ошибочное толкование новых норм влекут за собой

риски доначисления налогов, пеней и штрафов по результатам проверок

Во-вторых, сказывается низкая налоговая и правовая грамотность предпринимателей, что наиболее критично на этапе старта. Количество ликвидируемых организаций почти равно количеству вновь создаваемых, и зачастую это обусловлено именно проблемами с налоговыми обязательствами.

В-третьих, недостаточно развит риск-ориентированный подход во внутреннем контроле организаций, не перешедших на налоговый мониторинг. Е. Л. Гулькова и соавторы предлагают распространить требования к системе внутреннего контроля в виде отдельного нормативного документа для всех налогоплательщиков, что позволило бы унифицировать подходы и снизить количество споров [8, с. 153-161].

В-четвёртых, фрагментарность судебной практики по вопросам налоговой реконструкции, дробления бизнеса и получения необоснованной налоговой выгоды создаёт правовую неопределённость. Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неоднократно формулировали правовые позиции (например, о необходимости учёта реального экономического содержания операций, о пределах осуществления прав при исчислении налоговой базы в рамках ст. 54.1 НК РФ), единообразие в их применении на уровне арбитражных судов до сих пор не достигнуто. В одном регионе суды могут поддерживать налоговый орган при выявлении признаков дробления бизнеса, а в другом – принимать сторону налогоплательщика, если отсутствуют доказательства согласованности действий и направленности на получение необоснованной налоговой выгоды. Такая неопределённость затрудняет для организаций прогнозирование налоговых последствий собственной деятельности и повышает риски судебных разбирательств, даже если налогоплательщик действовал добросовестно и ориентировался на официальные разъяснения ФНС.

В целях повышения роли налогового контроля в системе экономической безопасности организации целесообразно разработать и утвердить внутреннее положение о налоговом планировании и управлении налоговыми рисками; внедрить регламент проверки контрагентов в зависимости от суммы сделки; проводить периодическую налоговую экспертизу заключаемых договоров; организовать

мониторинг изменений законодательства и обзоров судебной практики; использовать риск-ориентированный подход при формировании контрольных процедур. Систематическое проведение самостоятельной оценки рисков по результатам финансово-хозяйственной деятельности позволит налогоплательщику своевременно оценить налоговые риски и уточнить свои налоговые обязательства.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что налоговая безопасность является неотъемлемой составляющей экономической безопасности организации, а налоговый контроль выступает ключевым инструментом её обеспечения. Эффективная система налогового контроля должна включать как регулярную оценку внешних и внутренних налоговых рисков, так и реализацию превентивных мер, основанных на знании критериев ФНС России и передовых практик. Особую значимость приобретают цифровые инструменты, позволяющие налогоплательщикам в режиме реального времени отслеживать свою «налоговую видимость» и корректировать поведение. Для дальнейшего повышения уровня налоговой безопасности требуется не только совершенствование внутрикорпоративных процедур, но и дальнейшая унификация законодательных требований к системе внутреннего налогового контроля для всех категорий хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Агарков А.А. Налоговая безопасность хозяйствующего субъекта: понятия, методика оценки, проблемы обеспечения // Материалы студенческой конференции. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2022. С. 1-11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-bezopasnost-hozyaystvuyuschego-subekta-ponyatiya-metodika-otsenki-problemy-obespecheniya>.
2. Шагидуллина И.Р., Фатихова Л.Э. Влияние налогообложения на экономическую безопасность предприятий // Сборник студенческих работ. Набережные Челны: КФУ, 2022. С. 1-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nalogooblozheniya-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-predpriyatiy>.
3. Воронцов Б.В. Налоговая безопасность государства и экономических систем // Проблемы современной экономики. 2008. № 3.

С. 34-39. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2199>.

4. Коркина Г.М., Смирнова О.П. Методические подходы к оценке налоговой безопасности предприятия // Статья выполнена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2021 год. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/103484/1/978-5-7996-3280-9_1-005.pdf.

5. Малова Т.А. Налоговая безопасность как составная часть экономической безопасности предприятия // Современные проблемы экономики и менеджмента. 2023. С. 1-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-bezopasnost-kak-sostavnaya-chast-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya>.

6. Тимофеева И.Ю. Экономический анализ, классификация и оценка налоговых рисков в период декриминализации налоговых отношений // Экономический анализ: теория и

практика. 2010. № 25(190). С. 39-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-analiz-klassifikatsiya-i-otsenka-nalogovyh-riskov-v-period-dekriminalizatsii-nalogovyh-otnosheniy>.

7. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (ред. от 10.05.2012) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/.

8. Гулькова Е.Л., Карп М.В., Типалина М.В. Роль налоговой безопасности в системе экономической безопасности организации // Вестник университета. 2023. № 6. С. 153-161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nalogovoy-bezopasnosti-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti-organizatsii>.

DZHAVADOVA Milana Muradovna

Student,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Saint Petersburg

TESLENKO Mikhail Dmitrievich

Student,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Saint Petersburg

THE ROLE OF CREDIT IN SMALL BUSINESS DEVELOPMENT

Abstract. *In the article, tax control is considered as one of the priority methods of ensuring economic security.*

Keywords: *economic security, tax security, tax control, tax risks, tax planning.*

ДУЙСЕКЕНОВ Алмас Нурланович
магистрант, Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКРИЗИСНЫХ СТРАТЕГИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы и инструменты реализации антикризисных стратегий организаций. Особое внимание уделено стратегическим, финансовым и организационным инструментам, обеспечивающим устойчивость предприятий в условиях экономической нестабильности.

Ключевые слова: антикризисное управление, антикризисные стратегии, инструменты управления, экономическая нестабильность, эффективность предприятия.

Антикризисное управление представляет собой комплекс мер, призванных не только предотвратить возникновение неблагоприятных ситуаций в организации, но и максимально использовать периоды нестабильности как возможности для дальнейшего роста и развития. Эта совокупность мероприятий разрабатывается на конкретный временной интервал, например, шестимесячный или годовой, с расчетом на достижение ощутимых положительных результатов по истечении указанного срока.

Антикризисное управление является проектом, который характеризуется следующими ключевыми составляющими:

- Четко определенная цель, достижение которой сигнализирует об успешном завершении проекта.
- Разработанная стратегия, определяющая пути и методы достижения поставленной цели.
- Декомпозиция стратегии на конкретные задачи с установленными сроками для мониторинга прогресса.
- Назначение ответственных руководителей, обеспечивающих контроль над каждым этапом реализации и вносящих необходимые корректировки в стратегию в случае возникновения такой необходимости.

Анализ существующей литературы по данной тематике демонстрирует потребность в более глубоком изучении вопросов, связанных с систематизацией финансово-экономических показателей и применением комплексных стратегий для преодоления кризисных ситуаций на российских предприятиях. Разработка

мер антикризисного управления позволит выявить слабые места в системе управления организацией, сформировать эффективную систему планирования, ориентированную на прогнозирование финансового состояния с учетом многоаспектности влияющих факторов и индивидуальных особенностей каждого предприятия [1].

Исходя из изучения сути и теоретических положений антикризисного управления, в рамках программы антикризисного управления можно выделить три типа систем развития предприятия, которые определяют выбор направлений антикризисного регулирования: «условно-стабильная система», требующая лишь пассивных мер противодействия кризису; «система с проявляющимися признаками кризиса»; и «общекризисная система», нуждающаяся в активном применении антикризисных инструментов.

Предприятия могут столкнуться с разнообразными типами кризисных ситуаций, включая:

- Технологический кризис. Данный тип кризиса обусловлен использованием устаревших производственных мощностей или устаревших технологий. Это, в свою очередь, препятствует выпуску продукции, соответствующей современным стандартам качества, и приводит к росту производственных затрат.
- Социально-управленческий кризис. Возникает, когда между сотрудниками отсутствуют конструктивные взаимоотношения, что негативно сказывается на их способности к эффективной совместной работе. Снижение производительности труда является прямым

следствием таких межличностных конфликтов. Кроме того, необходимость урегулирования внутренних разногласий отвлекает руководство от решения ключевых бизнес-задач, переключая их внимание на поддержание гармонии в коллективе.

- Финансовый кризис. Является следствием неэффективного распределения и использования финансовых ресурсов предприятия.

- Организационный кризис. Часто провоцируется неоптимальной структурой управленческого аппарата или самой организационной структурой компании.

- Информационный кризис. Возникает в случае поступления в организацию неполных, искаженных или ошибочных сведений, касающихся как внутренних операционных процессов, так и внешних факторов.

Эффективное антикризисное управление предприятием должно базироваться на системном подходе, использовать достоверные данные при диагностике кризисных явлений, иметь четко структурированную поэтапную программу реализации предложенных мер и обладать достаточными ресурсами для выхода из кризиса [2].

К основным факторам, осложняющим процесс антикризисного управления предприятиями в условиях нестабильности, относятся: несовершенство налогового законодательства, недостаточность программ подготовки антикризисных специалистов, необходимость постоянной модернизации и реструктуризации предприятий, проблемы с платежами, утрата конкурентных преимуществ, угроза банкротства и прочие [3, с. 156-166].

Успех антикризисного менеджмента зависит не только от внутренних аспектов функционирования предприятия, но и от состояния внешней среды. Реформирование налоговой системы для создания конкурентной экономической среды, расширение перечня образовательных направлений для подготовки квалифицированных специалистов по антикризисному менеджменту, привлечение инвестиций для модернизации промышленных предприятий – все эти меры являются критически важными.

Разработка и выбор антикризисных стратегий на уровне корпорации, функциональных подразделений и конкретного бизнеса представляет собой комплексную задачу, требующую анализа многочисленных, зачастую

противоречивых внешних и внутренних факторов. Однако, еще более сложным этапом является осуществление этих стратегий. Реализация требует синергии множества управленческих методов, инструментов и технологий, обеспечения четкой координации и согласованности всех управленческих функций, а также минимизации внутренних издержек.

Американские исследователи отмечают, что компании зачастую реализуют лишь около 60% от потенциальной ценности своих стратегий вследствие недостатков и ошибок в процессе их планирования и исполнения [3, с. 156-166]. Следовательно, эффективность реализации антикризисных мер имеет первостепенное значение, превосходя по важности качество самих стратегических документов.

Стратегическая задача антикризисного управления достигается посредством выполнения ряда ключевых функций. Анализ стратегического управления в комплексе позволяет рассматривать процесс эффективного воплощения антикризисной стратегии как последовательность взаимосвязанных операций: анализ, планирование, организация, стимулирование, контроль и корректировка:

1. Механизм имплементации антикризисной стратегии представляет собой логически связанную цепочку этапов, направленных на достижение установленных антикризисных приоритетов.

2. Необходимо утверждение выбранного курса антикризисного развития и его гармонизация с общими задачами организации.

3. Следует обеспечить информированность всего персонала предприятия о целях антикризисной стратегии и провести подготовительные мероприятия для ускорения и повышения результативности ее реализации.

4. Критически важно преодолеть возможное сопротивление организационной среды на начальном этапе внедрения стратегии.

5. Процесс осуществления стратегии должен быть обеспечен всеми необходимыми ресурсами, а также разработан оперативный и текущий план для достижения поставленных антикризисных ориентиров.

6. Необходимо инициировать преобразования на предприятии, соответствующие стратегическим целям.

7. Требуется осуществлять оперативное управление ходом реализации антикризисной стратегии.

8. Важно сформировать действенную систему мониторинга и управления процессом воплощения антикризисной стратегии.

Успех внедрения антикризисной стратегии предприятия напрямую связан с арсеналом инструментов, применяемых для достижения установленных стратегических задач. Потребность и возможность использования передовых инструментов в компаниях различных секторов экономики и организационных форм вызваны развитием новых подходов в антикризисном менеджменте на всех уровнях хозяйствования, а также прогрессом в области информатизации и автоматизации [4, с. 94-97].

В более широком понимании инструменты в управленческой сфере являются неким «экономическим инструментарием», где под «работой» подразумевается комплекс мероприятий по управлению реализацией антикризисных стратегий. Соответственно, инструментарий, используемый для реализации антикризисной стратегии, представляет собой набор специализированных средств, порядок действий, приемов и операций, реализованных в виде методик, концепций, методов и моделей управленческой деятельности, направленных на достижение целей антикризисной стратегии.

Таким образом, успешная реализация стратегии антикризисного управления требует

применения разнообразных инструментов, способствующих повышению платежеспособности и обеспечению финансовой устойчивости компании как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Многообразие доступных инструментов делает выбор наиболее подходящих для конкретного предприятия критически важным, учитывая специфику его деятельности, причины возникновения кризисных ситуаций, а также параметры и глубину кризисного состояния.

Литература

1. Кочеткова А.И. Антикризисное управление. Инструментарий. – М.: Юрайт, 2020. – 441 с.
2. Борщова А.В., Ермилина Д.А., Санталова М.С. Антикризисное управление социально-экономическими системами. Монография. 3-е изд. – М.: Дашков и К, 2021. – 236 с.
3. Бражникова Л.Н., Мызников И.А. Многофакторный подход к выбору стратегии антикризисного управления на промышленных предприятиях // Прогрессивная экономика. 2024. № 12. С. 156-166.
4. Дацаева Р.Ш., Умархаджиева С.Р., Кудусов Л. Механизм антикризисного управления на предприятии // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С. 94-97.

DUISSEKENOV Almas Nurlanovich

Master's Student,

M. Utemisov West Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan, Uralsk

MODERN APPROACHES AND TOOLS FOR THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CRISIS STRATEGIES IN ORGANIZATIONS

Abstract. *The article examines modern approaches and tools for the implementation of anti-crisis strategies in organizations. Particular attention is paid to strategic, financial, and organizational tools that ensure enterprise sustainability under conditions of economic instability.*

Keywords: *anti-crisis management, anti-crisis strategies, management tools, economic instability, enterprise efficiency.*

КАБЫЛТАЙ Толеген

студент, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
Казахстан, г. Астана

КРІ-АРХИТЕКТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ УСКОРЕННОГО ВЫВОДА ОТДЕЛА ПРОДАЖ НА ПЛАНОВУЮ ПРОДУКТИВНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается КРІ-архитектура как системный инструмент управления результативностью отдела продаж. Обосновывается, что достижение плановой продуктивности коммерческого подразделения зависит не только от постановки итоговых целевых показателей, но и от построения взаимосвязанной системы метрик, отражающей стратегические, процессные и операционные аспекты деятельности. Раскрываются теоретические основы КРІ-архитектуры в системе управления продажами, показано различие между итоговыми и опережающими показателями, а также их значение для повышения управляемости коммерческих процессов. Особое внимание уделяется влиянию КРІ-архитектуры на снижение управленческой неопределенности, ускорение адаптации сотрудников и повышение точности управленческой обратной связи. Также охарактеризована модель построения КРІ-архитектуры, основанная на декомпозиции коммерческого результата, согласовании показателей с логикой воронки продаж и учете уровня зрелости команды. Сделан вывод о том, что КРІ-архитектура выступает не только системой оценки, но и механизмом активного управления скоростью достижения плановой продуктивности отдела продаж.

Ключевые слова: КРІ-архитектура, отдел продаж, плановая продуктивность, управление продажами, ключевые показатели эффективности, результативность, воронка продаж, коммерческая деятельность, управленческий контроль, адаптация сотрудников.

Введение

В условиях усиливающейся конкуренции и высокой зависимости бизнеса от скорости коммерческой реализации продукта особую значимость приобретает вопрос оперативного вывода отдела продаж на плановую продуктивность. Для большинства организаций именно продажи обеспечивают преобразование рыночного потенциала в фактическую выручку, поэтому эффективность работы коммерческого подразделения становится одним из ключевых факторов устойчивости и роста компании [4]. Вместе с тем на практике даже при наличии востребованного продукта и кадрового ресурса отдел продаж нередко длительное время не достигает целевых показателей. Причинами этого часто выступают размытость управленческих ориентиров, несогласованность критериев оценки деятельности сотрудников и слабая связь между стратегическими целями бизнеса и ежедневной работой команды.

В этой связи особую актуальность приобретает КРІ-архитектура как системный инструмент управления результативностью продаж. В

отличие от использования отдельных показателей эффективности, КРІ-архитектура предполагает создание взаимосвязанной системы метрик, отражающей стратегические и операционные аспекты деятельности отдела продаж. Такая система позволяет не только фиксировать результаты, но и управлять процессом их достижения, своевременно выявлять отклонения и корректировать действия сотрудников. Особенно важно это на этапе формирования нового отдела продаж, масштабирования коммерческой функции или адаптации новых специалистов, когда скорость выхода на нормативные показатели напрямую влияет на финансовый результат компании.

Целью настоящей статьи является исследование КРІ-архитектуры как инструмента ускоренного вывода отдела продаж на плановую продуктивность. Для достижения этой цели необходимо раскрыть сущность КРІ-архитектуры в системе управления продажами, определить ее влияние на динамику результативности коммерческого подразделения и охарактеризовать принципы ее практического построения. Практическая значимость

исследования заключается в возможности использования данного подхода для повышения управляемости продаж, сокращения периода достижения целевых показателей и роста общей эффективности коммерческой деятельности организации.

Теоретические основы KPI-архитектуры в системе управления продажами

В современной управленческой практике показатели эффективности выступают важным инструментом координации деятельности организации и оценки достижения поставленных целей. Однако в системе управления продажами особое значение имеет не наличие отдельных KPI, а логика их взаимосвязи и ориентации на конечный коммерческий результат. Поэтому KPI-архитектуру целесообразно рассматривать как целостную систему, объединяющую стратегические цели компании, задачи подразделения и повседневную деятельность сотрудников [3].

KPI-архитектура представляет собой не набор разрозненных метрик, а структурированную модель, в которой каждый показатель выполняет определенную функцию. Ее задача состоит в том, чтобы переводить общие цели бизнеса в измеримые параметры работы отдела продаж. Если компания ориентирована на рост выручки, расширение клиентской базы или увеличение доли рынка, то KPI-архитектура позволяет соотнести эти цели с конкретными процессами: количеством контактов, качеством обработки лидов, уровнем конверсии, скоростью закрытия сделки и другими показателями, отражающими реальные механизмы достижения результата [1].

Принципиально важным является различие между итоговыми и опережающими показателями. Итоговые показатели отражают уже достигнутый результат, например объем продаж, выручку или количество заключенных сделок. Однако они лишь фиксируют результат постфактум. Опережающие показатели позволяют оценивать факторы, формирующие будущую эффективность: интенсивность клиентских коммуникаций, количество встреч, скорость обработки обращений и иные параметры текущей активности. Именно сочетание итоговых и опережающих индикаторов делает KPI-архитектуру инструментом не только оценки, но и управления.

Не менее важно согласование показателей между уровнями управления. KPI отдельного менеджера, руководителя группы и

подразделения в целом должны быть взаимосвязаны и подчинены общим целям организации. При отсутствии такой согласованности система оценки становится фрагментарной и не обеспечивает реального роста результативности продаж.

KPI-архитектура в системе управления продажами представляет собой механизм преобразования стратегических целей компании в систему взаимосвязанных, измеримых и управляемых показателей. Ее значение состоит в том, что она позволяет не только оценивать конечные результаты, но и управлять процессами, которые к ним приводят. Именно это создает основу для более быстрого достижения плановой продуктивности отдела продаж.

Влияние KPI-архитектуры на достижение плановой продуктивности отдела продаж

Ускоренный вывод отдела продаж на плановую продуктивность является одной из ключевых задач коммерческого управления, поскольку длительный период адаптации сотрудников и несвоевременное достижение целевых показателей напрямую отражаются на финансовой устойчивости организации. В этих условиях KPI-архитектура приобретает значение инструмента, позволяющего не только оценивать результативность подразделения, но и целенаправленно воздействовать на динамику ее формирования. Ее влияние проявляется прежде всего в создании прозрачной системы ожиданий, в рамках которой сотрудники понимают, какие действия и результаты имеют значение для компании.

Одним из основных эффектов KPI-архитектуры является снижение управленческой неопределенности. На практике замедленный выход отдела продаж на плановую результативность часто связан не только с уровнем подготовки сотрудников, но и с отсутствием четких ориентиров. Если система оценки строится только на итоговом объеме продаж, то руководитель и сотрудники получают лишь конечную точку контроля без возможности своевременной корректировки действий. KPI-архитектура решает эту проблему за счет включения в систему оценки опережающих и процессных индикаторов, позволяющих отслеживать движение к результату на разных этапах воронки продаж [2].

Существенное значение KPI-архитектуры проявляется и в период адаптации новых сотрудников. Когда показатели выстроены

последовательно – от активности к качеству коммуникации, затем к конверсии и финансовому результату, – менеджер воспринимает плановую продуктивность не как абстрактное требование, а как понятную и достижимую траекторию профессионального движения. Это ускоряет его включение в коммерческий процесс и переход к стабильной результативной работе.

Кроме того, KPI-архитектура повышает качество управленческой обратной связи. Руководитель получает возможность анализировать не только факт выполнения или невыполнения плана, но и причины отклонений, будь то недостаточная активность, низкое качество обработки лидов или сбой на отдельных этапах воронки. Это делает управленческое воздействие более точным и своевременным.

KPI-архитектура способствует более быстрому достижению плановой продуктивности отдела продаж за счет снижения неопределенности, ускорения адаптации сотрудников и повышения точности управленческого контроля. Поэтому ее следует рассматривать не только как систему оценки, но и как инструмент формирования устойчивой коммерческой результативности.

Модель построения KPI-архитектуры для ускорения результативности отдела продаж

Построение KPI-архитектуры для отдела продаж требует системного подхода, при котором показатели рассматриваются не как формальный инструмент отчетности, а как механизм ускоренного достижения плановой продуктивности. Эффективность такой модели зависит от того, насколько последовательно она связывает стратегические цели организации с повседневной деятельностью сотрудников и позволяет контролировать не только конечный результат, но и процесс его формирования.

Исходной основой проектирования KPI-архитектуры является определение целевого коммерческого результата, который организация рассматривает как плановую продуктивность отдела продаж. Однако система не должна ограничиваться только итоговыми значениями. Для обеспечения управляемости необходимо определить промежуточные показатели, формирующие результат и поддающиеся регулярному контролю.

Ключевым принципом выступает согласование KPI с логикой воронки продаж. Каждый этап коммерческого процесса должен иметь собственные измеримые параметры: от

количества контактов и скорости обработки обращений до показателей конверсии, среднего чека и фактического объема продаж. Такая последовательность позволяет сохранить связь между действиями сотрудников и итоговой эффективностью подразделения.

Не менее важно учитывать уровень зрелости команды и этап профессионального развития сотрудников. Для новых менеджеров более значимы процессные показатели, позволяющие ускорить адаптацию и закрепить стандарты работы. Для опытных сотрудников приоритет приобретают итоговые и конверсионные метрики. Следовательно, KPI-архитектура должна быть адаптивной и соотношенной с реальными задачами подразделения.

Модель построения KPI-архитектуры основывается на декомпозиции коммерческого результата, согласовании показателей с этапами воронки продаж и учете уровня зрелости команды. Такой подход позволяет использовать KPI не только для оценки, но и для активного управления скоростью достижения плановой продуктивности.

Заключение

В современных условиях KPI-архитектура выступает не просто средством измерения эффективности, а важным инструментом управления результативностью отдела продаж. Ее значение заключается в том, что она позволяет связать стратегические цели организации с повседневной деятельностью сотрудников и обеспечить более прозрачное движение к плановым коммерческим показателям.

Проведенный анализ показывает, что ускоренный вывод отдела продаж на плановую продуктивность возможен при условии, что система KPI строится как взаимосвязанная и управляемая структура. Такая архитектура позволяет контролировать не только итоговые результаты, но и промежуточные процессы, формирующие эти результаты, снижать управленческую неопределенность, ускорять адаптацию сотрудников и повышать точность управленческого воздействия.

Практическая ценность KPI-архитектуры состоит в том, что она создает основу для своевременного выявления отклонений, корректировки коммерческой деятельности и повышения согласованности индивидуальных и командных усилий. Именно поэтому ее следует рассматривать как один из ключевых механизмов повышения управляемости продаж и

сокращения периода достижения целевой продуктивности.

Литература

1. Синюк Т.Ю. Практикологические основы формирования ключевых показателей эффективности менеджеров по продажам / Т.Ю. Синюк, Л.Н. Дрыгин // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 2 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakseologicheskie-osnovy-formirovaniya-klyuchevykh-pokazateley-effektivnosti-menedzherov-po-prodazham> (дата обращения: 25.03.2026).

2. Титова С.В. Алгоритм разработки и использования KPI для оценки результатов труда менеджеров по продажам / С.В. Титова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2022. – № 4 (62). – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-](https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-razrabotki-i-ispolzovaniya-kpi-dlya-otsenki-rezultatov-truda-menedzherov-po-prodazham)

[razrabotki-i-ispolzovaniya-kpi-dlya-otsenki-rezultatov-truda-menedzherov-po-prodazham](https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotki-i-ispolzovaniya-kpi-dlya-otsenki-rezultatov-truda-menedzherov-po-prodazham) (дата обращения: 25.03.2026).

3. Седаев М.О. Теоретические аспекты разработки системы KPI: подходы и классификация / М.О. Седаев, Л.А. Сараев // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 12-1 (118). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-razrabotki-sistemy-kpi-podhody-i-klassifikatsiya> (дата обращения: 25.03.2026).

4. Пашкова Н.Р. Управление отделом продаж: построение, мотивация и контроль / Н.Р. Пашкова // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 3 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-otdelom-prodazh-postroenie-motivatsiya-i-kontrol> (дата обращения: 25.03.2026).

KABYLTAI Tolegen

Student, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

KPI ARCHITECTURE AS A TOOL FOR ACCELERATING THE ACHIEVEMENT OF PLANNED PRODUCTIVITY IN THE SALES DEPARTMENT

Abstract. *The article examines KPI architecture as a systemic tool for managing sales department performance. It argues that achieving planned productivity in a commercial unit depends not only on setting final performance targets, but also on building an interconnected system of metrics reflecting the strategic, process, and operational aspects of activity. The paper outlines the theoretical foundations of KPI architecture in sales management, highlights the distinction between lagging and leading indicators, and explains their role in improving the manageability of commercial processes. Special attention is paid to the impact of KPI architecture on reducing managerial uncertainty, accelerating employee adaptation, and improving the accuracy of managerial feedback. The article also describes a model for designing KPI architecture based on the decomposition of commercial results, alignment of indicators with the sales funnel logic, and consideration of team maturity. It is concluded that KPI architecture should be viewed not only as an evaluation system, but also as a mechanism for actively managing the speed at which the sales department reaches planned productivity.*

Keywords: *KPI architecture, sales department, planned productivity, sales management, key performance indicators, performance, sales funnel, commercial activity, managerial control, employee adaptation.*

КОНЬКОВА Анастасия Анатольевна

студентка,

Поволжский государственный технологический университет, Россия, г. Йошкар-Ола

Научный руководитель – профессор

Поволжского государственного технологического университета,

доктор экономических наук Короткова Алевтина Васильевна

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации подложных документов в рамках судебно-экономической экспертизы. Анализируются правовые аспекты, методы выявления подлога, а также сложности разграничения компетенций между различными видами экспертиз. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования нормативно-правовой базы и методического обеспечения.

Ключевые слова: подложный документ, судебно-экономическая экспертиза, квалификация подлога, экспертиза, экономическая экспертиза.

Цель исследования: анализ проблем квалификации подложных документов в судебно-экономической экспертизе и разработка рекомендаций по их решению.

Задачи исследования:

1. Изучить правовые основы квалификации подложных документов;
2. Рассмотреть методы выявления подлога в судебно-экономической экспертизе;
3. Выявить проблемы разграничения компетенций экспертов;
4. Проанализировать недостатки методического обеспечения;
5. Предложить пути совершенствования экспертной практики.

В современных экономических условиях актуальность темы обусловлена ростом числа экономических преступлений, связанных с использованием подложных документов. В современных условиях важно совершенствование методик выявления подлога в рамках судебно-экономической экспертизы, что напрямую влияет на качество правосудия и экономическую безопасность.

Экономическая экспертиза становится ключевым инструментом расследования, позволяя выявлять схемы мошенничества. Несмотря на существующие разработки, недостаточно изучены вопросы совершенствования методик экспертизы применительно к новым формам финансовых преступлений, интеграции

цифровых технологий в экспертную практику, координации взаимодействия экспертов с органами следствия.

Экономическая экспертиза представляет собой процессуальное действие, направленное на получение доказательств по уголовному делу путем проведения исследований финансово-хозяйственной деятельности с использованием специальных экономических знаний [3].

Согласно положениям Федерального закона № 73-ФЗ, судебная экспертиза назначается в случаях, когда для установления обстоятельств дела необходимы специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла [1].

Подлог документов в виде внесения заведомо ложных реквизитов в их форму является одной из наиболее распространенных форм правонарушений в судопроизводстве. Подложные документы встречаются также в деятельности кадровых подразделений, служб безопасности различных коммерческих организаций. Цель их создания неоднозначна. Лицо может выполнять подлог, стремясь исказить содержание передаваемой информации, например в целях последующего отрицания факта подписания документа, либо же действовать де-факто добросовестно.

Квалификация подложных документов регулируется несколькими нормативными актами, включая Федеральный закон «О

государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (73-ФЗ) и Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков [2].

Подложный документ – это документ, содержащий заведомо ложные сведения, которые не соответствуют действительности. Различают два вида подлога: материальный (изменение содержания документа) и интеллектуальный (отражение в документе заведомо ложных сведений при внешне правильном оформлении).

В процессе судебно-экономической экспертизы выявление подлога осуществляется посредством комплексного применения различных методов исследования документов. Формальная проверка позволяет установить наличие и корректность заполнения всех необходимых реквизитов документа, выявить грубые нарушения оформления. Параллельно проводится нормативная проверка, направленная на анализ соответствия содержания документа действующему законодательству и нормативным актам. Арифметическая проверка включает в себя пересчет всех цифровых показателей, что помогает обнаружить несоответствия в количественных характеристиках. Сопоставление документов представляет собой важный метод взаимного контроля, позволяющий выявить противоречия между различными документами, отражающими одну хозяйственную операцию.

Встречная проверка заключается в сопоставлении различных экземпляров одного документа, находящихся у разных участников хозяйственной операции, что помогает установить подлинность отраженных данных. Экономический анализ направлен на проверку соответствия отчетных показателей реальному положению дел и анализ финансово-хозяйственной деятельности организации в целом.

Логический анализ позволяет оценить реальную возможность осуществления хозяйственных операций, отраженных в документах, с учетом специфики деятельности организации. При этом важно отметить, что судебно-экономический эксперт анализирует только содержательную часть документов, не затрагивая вопросы физического подлога.

Существующие проблемы квалификации подложных документов связаны с несколькими ключевыми аспектами. Разграничение

компетенций между различными видами экспертиз создает определенные сложности в определении границ ответственности экспертов. Методическая база требует постоянного совершенствования, особенно в части выявления современных способов фальсификации с использованием цифровых технологий.

Особую сложность представляет выявление интеллектуального подлога, когда заведомо ложные сведения маскируются под достоверные данные, особенно в сложных финансовых схемах. Определение давности документов часто требует специальных технических исследований, выходящих за рамки компетенции судебно-экономического эксперта.

Для решения этих проблем необходимо разработать единую междисциплинарную методику выявления подлога, учитывающую как экономические, так и технико-криминалистические аспекты. Важно усилить взаимодействие между экспертами различных профилей и внедрить современные цифровые инструменты анализа.

Совершенствование нормативно-правовой базы и повышение квалификации экспертов также являются ключевыми направлениями решения существующих проблем. Такой комплексный подход позволит повысить эффективность выявления подложных документов и качество судебно-экономической экспертизы в целом, что особенно важно в условиях растущего числа экономических преступлений.

Заключение

Проблемы квалификации подложных документов в судебно-экономической экспертизе требуют комплексного подхода. Ключевыми направлениями решения являются совершенствование методического обеспечения, усиление межведомственного взаимодействия и повышение профессионального уровня экспертов. Это позволит повысить достоверность экспертных заключений и эффективность борьбы с экономическими преступлениями.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

2. Копотилова С.С., Чеботарян А.С., Дудина О.И. Экономическая экспертиза при расследовании преступлений в финансово-кредитной сфере // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 11-1 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskay>

a-eksperiza-pri-rassledovanii-prestupleniy-v-finansovo-kreditnoy-sfere (дата обращения: 16.02.2026).

3. Судебно-экономическая экспертиза: учебное пособие / А.В. Короткова. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2024. – 82 с.

KONKOVA Anastasia Anatolyevna

Student, Volga Region State Technological University, Russia, Yoshkar-Ola

*Scientific Advisor – Professor of the Volga State Technological University,
Doctor of Economics Korotkova Alevtina Vasilyevna*

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FORGED DOCUMENTS IN FORENSIC ECONOMIC EXPERTISE

Abstract. *The article discusses the current problems of qualification of forged documents within the framework of forensic economic expertise. The article analyzes the legal aspects, methods of detecting forgery, and the difficulties of distinguishing between different types of expertise. Special attention is paid to improving the regulatory framework and methodological support.*

Keywords: *forged document, forensic economic expertise, qualification of forgery, expertise, economic expertise.*

10.51635/AI-13-299_ZxzCf

Нго Тхи Йен

магистрант, Московский политехнический университет, Россия, г. Москва

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается применение методов машинного обучения для прогнозирования экономических показателей предприятия. В отличие от теоретических исследований, работа ориентирована на практическое использование моделей и анализ полученных результатов.

В исследовании использованы модели Random Forest, XGBoost и LSTM. Для оценки точности прогнозирования применялись метрики MAE и MAPE. Также проведён анализ влияния факторов с использованием метода SHAP.

Результаты показывают, что методы машинного обучения позволяют повысить точность прогнозирования, при этом важным является не только точность, но и интерпретируемость моделей.

Ключевые слова: временные ряды, машинное обучение, прогнозирование, экономические показатели, интерпретируемость.

1. Введение

В условиях современной цифровой экономики предприятия сталкиваются с необходимостью повышения эффективности управления. Одним из важных инструментов является прогнозирование экономических показателей, таких как выручка, прибыль и объем продаж.

Традиционные методы, например ARIMA или экспоненциальное сглаживание, широко используются, однако их применение ограничено при наличии сложных зависимостей в данных. В связи с этим всё большее внимание уделяется методам машинного обучения.

Объектом исследования являются экономические временные ряды предприятия.

Предмет исследования – методы машинного обучения для их прогнозирования.

Целью данной работы является практическое применение моделей машинного обучения для прогнозирования и анализ их эффективности

2. Обзор литературы

В последние годы наблюдается рост интереса к применению машинного обучения для анализа временных рядов. Исследования показывают, что современные алгоритмы способны учитывать сложные зависимости в данных.

Ансамблевые методы, такие как Random Forest и XGBoost, показывают хорошие

результаты при работе с экономическими данными. Они устойчивы к шуму и не требуют сложной настройки.

Нейронные сети, особенно LSTM, используются для моделирования временных зависимостей. Они позволяют учитывать долгосрочные связи между наблюдениями.

Однако многие исследования сосредоточены только на точности моделей. Вопрос интерпретируемости часто остается недостаточно изученным.

3. Данные и их особенности

В работе использовались временные ряды, отражающие экономические показатели предприятия. Это могут быть данные о выручке, продажах или других финансовых показателях.

Особенности данных:

- наличие сезонности;
- влияние внешних факторов;
- изменение структуры данных со временем.

Перед анализом данные были подготовлены:

- удалены пропуски;
- проведена нормализация;
- добавлены лаговые признаки;
- учтены календарные факторы.

Такая подготовка позволяет повысить качество прогнозирования.

4. Методы исследования

В исследовании были использованы три модели:

Random Forest

Данный метод основан на построении множества деревьев решений. Он хорошо работает с различными типами данных и устойчив к шуму.

XGBoost

Это алгоритм градиентного бустинга, который обеспечивает высокую точность и эффективность. Он часто используется в практических задачах.

LSTM

Модель относится к нейронным сетям и используется для анализа временных рядов. Она

учитывает последовательность данных и может выявлять сложные зависимости.

Для оценки качества использовались:

- MAE;
- MAPE.

Данные были разделены:

- 80% – обучение;
- 20% – тест.

5. Экспериментальная часть

В рамках исследования были обучены три модели. Каждая модель использовала одинаковый набор данных.

Дополнительно применялись методы feature engineering:

- лаговые признаки;
- сезонные индикаторы.

Результаты представлены в таблице:

Таблица

Сравнение моделей по показателям MAE и MAPE

Модель	MAE	MAPE
Random Forest	13.2	8.5%
XGBoost	10.6	7.0%
LSTM	9.7	6.3%

Полученные значения показывают различия в точности моделей.

Результаты показывают, что использование методов машинного обучения позволяет повысить точность прогнозирования.

6. Анализ результатов

Анализ показывает, что модель LSTM демонстрирует наилучшую точность. Однако её применение требует больше вычислительных ресурсов.

Модель XGBoost показала хорошие результаты при меньших затратах, что делает её более удобной для практического использования.

Random Forest уступает по точности, но отличается стабильностью.

Дополнительно был проведён анализ с использованием SHAP. Он показал, что:

- важную роль играют предыдущие значения;
- сезонность влияет на результат;
- некоторые внешние факторы также значимы;

Это позволяет лучше понять поведение моделей.

7. Обсуждение

Результаты исследования показывают, что выбор модели зависит от конкретной задачи.

Если важна точность – можно использовать LSTM.

Если важен баланс – лучше XGBoost.

Также важно учитывать:

- сложность модели;
- ресурсы;
- возможность интерпретации.

Для бизнеса интерпретируемость часто играет ключевую роль.

8. Заключение

В статье показано, что методы машинного обучения могут эффективно использоваться для прогнозирования экономических показателей.

Наиболее важными факторами являются:

- качество данных;
- выбор модели;
- интерпретируемость.

В дальнейшем исследование может быть расширено за счёт использования более сложных моделей и дополнительных данных.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения предложенных методов в реальных задачах бизнеса.

Литература

1. Liu X., Wang W. Deep Time Series Forecasting Models: A Comprehensive Survey // Mathematics. – 2024. – Vol. 12, № 10.
2. Hall T., Rasheed K. A Survey of Machine Learning Methods for Time Series Prediction // Applied Sciences. – 2025. – Vol. 15, № 11.
3. Johnson M. Deep Learning Methods for Time Series Forecasting: A Comparative Review // Journal of Computational Technology. – 2024.
4. Kumar A., Singh R. Application of Machine Learning in Business Forecasting // International Journal of Data Science. – 2023.
5. Zhang Y., Li H. Explainable Artificial Intelligence for Time Series Forecasting // IEEE Access. – 2023.
6. Chen Z., Liu Y. Hybrid Machine Learning Models for Economic Forecasting // Expert Systems with Applications. – 2024.
7. Ivanov P., Sidorov A. Применение методов машинного обучения для прогнозирования экономических показателей // Вестник науки. – 2023.

Ngo Thi Yen

Master's Student, Moscow Polytechnic University, Russia, Moscow

ANALYSIS AND FORECASTING OF ENTERPRISE ECONOMIC INDICATORS USING MACHINE LEARNING METHODS

Abstract. *This paper examines the application of machine learning methods for forecasting economic indicators of an enterprise. The study focuses on practical implementation and evaluation of model performance.*

Keywords: *time series, machine learning, forecasting, economic indicators, interpretability.*

СВИЦОВА Анна Александровна

магистрантка, Российский новый университет, Россия, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ЕГО ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

***Аннотация.** В статье исследуется трансформация роли финансовой устойчивости предприятия в формировании его инвестиционной привлекательности в условиях кризисной экономики. Обосновано, что макроэкономическая нестабильность, инфляционные процессы, ограниченность внешнего финансирования и рост финансовых рисков обуславливают смещение приоритетов инвестиционного анализа от показателей доходности к характеристикам надежности функционирования хозяйствующего субъекта.*

***Ключевые слова:** финансовая устойчивость, инвестиционная привлекательность, кризисная экономика, ликвидность, платежеспособность, денежные потоки, долговая нагрузка, финансовые риски, инвестиционный анализ, устойчивое развитие предприятия.*

В современных экономических условиях предприятия все чаще сталкиваются с кризисными явлениями, вызванными макроэкономической нестабильностью, инфляционными процессами, геополитическими факторами и изменениями рыночной конъюнктуры [11]. В таких условиях существенно возрастает значение финансовой устойчивости как ключевого фактора, определяющего не только способность предприятия функционировать, но и его инвестиционную привлекательность [12].

Традиционно инвесторы ориентируются на показатели рентабельности, эффективности использования капитала и динамики прибыли [2, с. 119]. Однако в условиях кризиса приоритеты инвестиционного анализа изменяются: на первый план выходят ликвидность, платежеспособность и способность предприятия генерировать стабильные денежные потоки [9, с. 314]. В связи с этим возникает необходимость переосмысления роли финансовой устойчивости в формировании инвестиционной привлекательности предприятия.

Инвестиционная привлекательность предприятия определяется совокупностью характеристик, отражающих целесообразность вложения капитала с точки зрения доходности и уровня риска [9, с. 301]. Ключевыми критериями оценки выступают прибыльность, стабильность денежных потоков, финансовая устойчивость и перспективы развития.

В условиях стабильной экономики основное внимание инвесторов сосредоточено на показателях рентабельности и роста [8, с. 461].

Однако в периоды кризиса приоритеты существенно смещаются, что требует более глубокого анализа финансового состояния предприятия.

Кризисная экономическая среда характеризуется рядом негативных факторов, оказывающих существенное влияние на деятельность предприятий [11]. К ним относятся снижение платежеспособного спроса, рост издержек производства, ограничение доступа к внешнему финансированию, высокая волатильность рынков и усиление конкурентной борьбы, – в таких условиях предприятия сталкиваются с нестабильностью денежных потоков, увеличением финансовых рисков и необходимостью оперативной адаптации к изменяющимся условиям [12], даже незначительные внешние шоки могут привести к нарушению финансового равновесия, что повышает вероятность возникновения неплатежеспособности [10, с. 591].

Одной из ключевых особенностей кризисного периода является изменение подходов инвесторов к оценке предприятий. Если в условиях экономической стабильности приоритет отдается доходности, то в кризисе основное внимание сосредотачивается на сохранности вложенного капитала [7, с. 813]. В частности, происходит следующая трансформация критериев оценки:

- значение рентабельности снижается, поскольку высокая прибыль не гарантирует устойчивости [3, с. 273];

- ликвидность приобретает критическое значение, отражая способность предприятия выполнять текущие обязательства [6, с. 82];
- анализ денежных потоков становится ключевым элементом оценки [8, с. 164];
- высокая долговая нагрузка рассматривается как существенный риск [7, с. 469].

Таким образом, инвесторы переходят от оценки потенциала роста к оценке способности предприятия выживать и сохранять стабильность в условиях неопределенности.

В условиях кризиса особую значимость приобретают следующие факторы финансовой устойчивости [5, с. 99]:

Во-первых, высокая ликвидность, позволяющая предприятию своевременно выполнять краткосрочные обязательства и избегать кассовых разрывов.

Во-вторых, наличие устойчивого положительного денежного потока, обеспечивающего финансирование текущей деятельности без чрезмерной зависимости от внешних источников.

В-третьих, низкий уровень долговой нагрузки, снижающий риски финансовых затруднений и повышающий гибкость управления.

В-четвертых, наличие финансовых резервов, формирующих «подушку безопасности» на случай ухудшения внешних условий.

В-пятых, гибкость затрат и способность предприятия оперативно адаптировать структуру расходов.

Совокупность указанных факторов определяет способность предприятия сохранять устойчивость и поддерживать инвестиционную привлекательность даже в неблагоприятных условиях.

В условиях кризиса предприятия можно условно разделить на несколько групп с точки зрения их инвестиционной привлекательности [12]:

Первая группа – финансово устойчивые предприятия, обладающие высокой ликвидностью, низкой долговой нагрузкой и стабильными денежными потоками. Такие компании сохраняют доверие инвесторов и рассматриваются как надежные объекты вложений.

Вторая группа – уязвимые предприятия, характеризующиеся нестабильными финансовыми показателями и высокой зависимостью от заемных средств. Их инвестиционная привлекательность существенно снижается.

Третья группа – предприятия, способные извлекать выгоду из кризисной ситуации. Как правило, это компании с гибкой бизнес-моделью и достаточным уровнем финансовых ресурсов для расширения деятельности.

В условиях кризиса инвесторам рекомендуется уделять особое внимание следующим аспектам:

- анализу ликвидности и структуры оборотного капитала;
- оценке стабильности операционных денежных потоков;
- уровню долговой нагрузки и способности обслуживать обязательства;
- наличию резервов и финансовой гибкости.

В приводимой ниже таблице (табл.) приводится дифференциация ранжирования показателей финансовой устойчивости по их значимости в условиях стабильной экономики и кризисных ситуаций.

Таблица

Изменение значимости показателей финансовой устойчивости для инвесторов в зависимости от состояния экономики

Показатель	В условиях стабильной экономики	В кризисных условиях
Рентабельность	Ключевой фактор	Вторичный
Ликвидность	Важна	Критически важна
Денежные потоки	Дополняют анализ	Основной критерий
Долговая нагрузка	Допустима	Риск-фактор

Комплексный подход к анализу позволяет более точно оценить уровень риска и принять обоснованное инвестиционное решение.

Таким образом, в условиях кризиса финансовая устойчивость приобретает ключевое значение в формировании инвестиционной привлекательности предприятия. Приоритеты

инвесторов смещаются от показателей доходности к показателям надежности, ликвидности и устойчивости денежных потоков, т. е. инвесторы переходят от оценки доходности к оценке выживаемости: предприятия, обладающие высоким уровнем финансовой устойчивости, сохраняют доверие инвесторов, имеют

больше возможностей для привлечения капитала и способны эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям; в то же время слабое финансовое состояние значительно повышает инвестиционные риски и снижает привлекательность предприятия.

Следовательно, финансовая устойчивость в кризисных условиях выступает не просто одним из факторов, а основополагающим критерием инвестиционной привлекательности предприятия.

Литература

1. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент: учебный курс. – Киев: Ника-Центр, 2001. – 656 с.
2. Бригхэм Ю., Эрхардт М. Финансовый менеджмент. Теория и практика. – СПб.: Питер, 2009. – 960 с.
3. Жданов В.Ю., Жданов И.Ю. Финансовый анализ предприятия с помощью коэффициентов и моделей: Учеб. пособ. – М.: Проспект, 2026. – 176 с.
4. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 560 с.
5. Литовченко В.П. Финансовый анализ: Учеб. пособ. – М.: Дашков и Ко, 2025. – 144 с.
6. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – 7-е изд. – М.: Инфра-М, 2025. – 286 с.
7. Damodaran A. Investment Valuation: Tools and Techniques for Determining the Value of Any Asset. – New York: Wiley, 2012. – 992 p.
8. Ross S.A., Westerfield R.W., Jaffe J. Corporate Finance. – New York: McGraw-Hill Education, 2019. – 816 p.
9. Higgins R.C. Analysis for Financial Management. – New York: McGraw-Hill, 2018. – 432 p.
10. Altman E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // The Journal of Finance. – 1968. – Vol. 23. – P. 589-609.
11. OECD. Corporate Sector Vulnerabilities in a Global Pandemic. URL: https://www.oecd.org/en/publications/corporate-sector-vulnerabilities-during-the-covid-19-outbreak-assessment-and-policy-responses_a6e670ea-en.html.
12. McKinsey & Company. The resilience imperative: Succeeding in uncertain times. – 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/the-resilience-imperative-succeeding-in-uncertain-times>.

SVISHCHOVA Anna Aleksandrovna

Graduate Student, Russian New University, Russia, Moscow

THE IMPACT OF AN ENTERPRISE'S FINANCIAL STABILITY ON ITS INVESTMENT ATTRACTIVENESS IN A CRISIS

Abstract. *The article examines the transformation of the role of financial stability of an enterprise in the formation of its investment attractiveness in a crisis economy. It is proved that macroeconomic instability, inflationary processes, limited external financing and increased financial risks lead to a shift in the priorities of investment analysis from profitability indicators to the characteristics of the reliability of the functioning of an economic entity.*

Keywords: *financial stability, investment attractiveness, crisis economy, liquidity, solvency, cash flows, debt burden, financial risks, investment analysis, sustainable development of the enterprise.*

СИДОРОВ Герман

учащийся 8 «а» класса, МОБУ «Саха гимназия», Россия, г. Якутск

ПОПОВА Васелина Климентьевна

учитель истории, МОБУ «Саха гимназия», Россия, г. Якутск

Научный руководитель – учитель географии МОБУ «Саха гимназия»

Сивцева Екатерина Николаевна

БИЗНЕС-ПЛАН ПО РАЗВЕДЕНИЮ ТАБУННОГО КОНЕВОДСТВА В с. БЕДЖЕЛЕК МЕГИНО-КАНГЛАССКОГО УЛУСА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация. В статье включены данные поголовья лошадей, укрепление материально-технической базы, составление бизнес-плана по табунному коневодству.

Ключевые слова: лошадь, молодняк, кобыла, жеребец, табунное коневодство.

Введение

Создание и разведение табунного коневодства в поселке Беджелек Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) обусловлена не только возрождением традиционных сельскохозяйственных практик, но и необходимостью устойчивого развития местной экономики [1, 2]. Табунное коневодство, как вид животноводства, на протяжении веков сыграло ключевую роль в жизни коренного населения, обеспечивая людей транспортом, пищей и материалами для быта [3].

В современных условиях, когда мир сталкивается с различными экологическими проблемами и кризисами, возвращение к устойчивым формам ведения хозяйства становится все более актуальным. Восстановление табунного коневодства в Беджелек Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) не только поддерживает культурное наследие, но и создаст новые рабочие места, увеличит уровень самозанятости, а также позволит развивать туристические инициативы.

Цель исследований: составление бизнес-плана, увеличение поголовья лошадей и укрепление материально-технической базы хозяйства в селе Беджелек Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) на примере хозяйства ИП «Сидоров Е. В.».

Задачи исследований:

- создать рабочие места;
- увеличить поголовье лошадей;
- увеличить производство мяса;
- увеличить объем заготовки сена.

Методология исследования

Исследование базируется на комплексном подходе, включающем анализ исторических аспектов табунного коневодства, оценку текущего состояния отрасли в регионе, изучение мирового опыта аналогичных проектов и проведение полевых наблюдений. Используются методы анализа документов, статистический метод обработки полученных данных, а также качественные методы интервьюирования представителей заинтересованных сторон [4, 5].

Результаты исследований

Исследования показали, что создание крестьянско-фермерского хозяйства ИП «Сидоров Е. В.» в 2023 году привело к положительным результатам. Изначально имеющее 21 лошадь (табл. 1), из которых большинство составляли взрослые кобылы и производственный жеребец, хозяйство быстро начало развиваться. Уже в течение первого года работы значительно выросло поголовье, достигнув показателя в 64 лошади, среди которых преобладали зрелые репродуктивные особи (кобылы). В дальнейшем, в 2025 году, поголовье вновь увеличивалось, составив 71 животное, преимущественно состоящих из маточного поголовья.

Таблица 1

Поголовье лошадей

Показатель	Ед. изм.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Поголовье на начало года	гол.	21	64	71
В том числе маточное поголовье	гол.	15	55	55
Валовый объем производства	тыс. руб.	420,00	2 220,0	2436,0
Кол-во постоянных работников (включая главу КФХ)	чел.	1	2	2
Среднемесячная заработная плата 1 работника	руб.	40650	40650	56100
Прирост объема производства продукции	%	-	3,9 раз	10,2

В таблице 2 приведены результаты производственно-финансового плана деятельности крестьянско-фермерского хозяйства Сидоров Е. В. по развитию табунного коневодства. В 2023

году произведено продукции сельского хозяйства на 632,5 тыс. руб., в 2024 г. на 2495,0 тыс. руб., в 2025 г. на 2748,5 тыс. руб. (табл. 2).

Таблица 2

**Производственно-финансовый план деятельности КФХ Сидоров Е. В.
по развитию табунного коневодства**

Исходная информация	% кобыл в табунах	Поголовье табунных лошадей общее		
		2023	2024	2025
	80%	21	64	71
		Поголовье кобыл и первотелок на начало года		
		15	55	55
Производственные показатели				
Показатели	ед. изм.	2023 год	2024 год	2025 год
Всего произведено продукции сельского хозяйства	тыс. руб.	632,50	2 495,00	2748,50
Продукция животноводства	тыс. руб.	420,00	2 220,0	2436,0
Кормопроизводства	тыс. руб.	212,50	275,00	312,50
Деловой выход жеребят	%	80%	80%	80%
Приплод	гол.	12	44	44
Количество лошадей на забой	гол.	7	37	39
Живой вес 1 гол. на забой	кг	200	200	208
Производство живой массы лошадей на убой	тонн	1,4	7,4	8,1
	тыс. руб.	420,00	2 220,0	2436,0
Заготовка сена	тонн	85,00	110,00	125,00
	тыс. руб.	212,50	275,00	312,50
Количество постоянных работников на конец года	чел.	1	2	2

Из них продукция животноводства составила в 2023 г. – 420,0 тыс. руб., в 2024 г. на 2220,0 тыс. руб., в 2025 г. на 2436,0 тыс. руб.

Деловой выход жеребят составил ежегодно 80 процентов. В 2023 г. насчитано 12 жеребят из 15 кобыл, в 2025 году достиг 44 голов жеребят из 55 кобыл. В среднем живой вес 1 гол. жеребят составил 200 кг. Производство живой массы в 2023 г. составила 1,4 тонны, в 2024 году – 7,4 тонн, в 2025 году – 8,1 тонн. Кроме этого, хозяйство ежегодно заготавливает сено. В 2023 году заготовили 85 тонн сена на 212500 руб., в 2025 году заготовку сена увеличили и заготовили 125 тонн на общую сумму 312500 рублей.

Кроме этого, хозяйство обеспечивает население рабочими местами.

Эти успехи подтверждают потенциал проекта и демонстрируют жизнеспособность предложенной модели развития табунного коневодства. Реализация поставленных целей позволила существенно повысить производительность хозяйства, расширить объемы производства экологически чистого продукта питания и обеспечить дополнительную занятость местным жителям.

Выводы

Табунное коневодство продолжает оставаться важной отраслью сельского хозяйства в

регионах с традиционными укладами жизнедеятельности, такими как Республика Саха (Якутия). Исследование показало, что целенаправленная работа, подкрепленная разработкой эффективного бизнес-плана, способна привести к значительным позитивным изменениям в экономике и социальной сфере поселения. Дальнейшее расширение и модернизация табунного коневодства способны стать катализатором устойчивого экономического роста в малонаселённых районах Сибири, укрепляя основы национальной культуры и экологии.

Литература

1. Алексеев Н.Д., Неустроев М.П., Иванов Р.В. Биологические основы повышения продуктивности лошадей: Монография. СО РАСХН ЯНИИСХ, 2006. 280 с.
2. Алексеев Н.Д. Лошадь якутской породы. Зоотехнические, морфологические,

физиологические и биохимические показатели: Справочник – 2-е, дополненное издание. РАСХН. Сиб. Отд-ние. ЯНИИСХ. МСХ РС (Я). Якутск. 2006. 208 с.

3. Иванов Р.В. «Научные основы совершенствования технологии кормления и содержания лошадей якутской породы». – Новосибирск, 2004. – 208 с.

4. Система ведения сельского хозяйства в Республике Саха (Якутия) на период 2016–2020 годы. / Методическое пособие. – Якутский НИИСХ. – Якутск, 2016.

5. Система ведения сельского хозяйства в Республике Саха (Якутия) на период 2021–2025 годы: методическое пособие / Министерство сельского хозяйства республики Саха (Якутия), «Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства им. М.Г. Сафронова» и др.; Л.Н. Владимиров (главный редактор). – Белгород: Изд-во Сангалова К.Ю., 2021. – 592 с.

SIDOROV Herman

Student of the 8th "a" Class, MOBU "Sakha Gymnasium", Russia, Yakutsk

POPOVA Vaseline Klimentievna

History Teacher, Sakha Gymnasium, Russia, Yakutsk

Scientific Advisor – Geography Teacher at the Sakha Gymnasium Sivtseva Ekaterina Nikolaevna

BUSINESS PLAN FOR BREEDING HERD HORSE BREEDING IN THE VILLAGE OF BEDZHELEK, MEGINO-KANGLASSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. *The article includes data on the number of horses, strengthening the material and technical base, and drawing up a business plan for horse breeding.*

Keywords: *horse, young animals, mare, stallion, herd horse breeding.*

ПЕДАГОГИКА

Fan Xingchen

Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology,
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

DIGITAL TRANSFORMATION IN EDUCATION AND PARENTAL EMOTIONAL SUPPORT DURING SCHOOL TRANSITIONS: A COMPARATIVE STUDY OF CHINA AND KAZAKHSTAN

Abstract. *The rapid proliferation of digital technology has fundamentally reshaped the educational landscape and patterns of family communication, thereby raising a new research question: how do the expression and perception of parental emotional support change during students' critical transition to secondary education? This paper explores the intrinsic relationship between the digital transformation of education and parental emotional support, focusing on the educational context of the transition from primary to lower secondary school in both China and Kazakhstan – two countries that are vigorously promoting the digitalisation of education, yet exhibit significant differences in their developmental backgrounds and practical contexts. Drawing on attachment theory, ecosystem theory and research on the adoption of educational technology as its theoretical framework, the study argues that whilst digital tools expand the channels through which parents can provide emotional support, they also introduce new complexities arising from digital literacy, socio-economic disparities and cultural norms surrounding parenting. Through comparative analysis, this paper demonstrates that although both countries have accelerated the process of digital integration in education, the mediating role of digital platforms in parent-child emotional communication differs significantly, exerting a substantial influence on students' adaptation and academic performance.*

Keywords: *digital transformation in education, parental emotional support, home-school interaction, transition to secondary school, student adjustment, digital educational platforms, parental digital literacy, educational inequality.*

Introduction

Since the beginning of the 21st century, driven by the rapid development and widespread adoption of digital technologies, global education systems have undergone unprecedented transformation. From interactive whiteboards and learning management systems to mobile applications and AI-powered tutoring platforms, the digitisation of education has not only transformed teaching practices but also reshaped the social ecology of schools [20, p. 3]. Within this transformed educational ecosystem, the connection between home and school – particularly the emotional dimension of parental involvement – has increasingly become a focal point of academic attention.

Parental emotional support, broadly defined as the emotional encouragement, empathetic understanding and responsive companionship that parents provide to their children in educational contexts, has long been regarded as a key factor influencing students' physical and mental well-being as

well as their academic achievement [10, p. 144]. However, digital technology has profoundly altered the ways in which such support is delivered and experienced. Today, parents can view academic performance via online platforms, communicate with teachers through instant messaging apps, and assist with homework via video calls – practices that were virtually non-existent two decades ago.

The transition to secondary school, particularly from primary to secondary level, is a critical juncture in a student's development, during which they are more likely to face academic pressure and socio-emotional adjustment issues [1, p. 212]. Existing research indicates that the quality of parental emotional support during this phase significantly influences students' adaptive capacity and long-term academic trajectories. Consequently, exploring how digital transformation mediates this support process holds both theoretical value and practical urgency.

This paper conducts a comparative study of China and Kazakhstan – two countries with significant differences in culture and educational systems, yet both undergoing rapid digitalisation in education. China possesses a vast national educational technology infrastructure and is profoundly influenced by Confucian parenting culture, providing a typical case study for examining the interplay between digital tools and high academic pressure [13, p. 27]. As a post-Soviet state, Kazakhstan is actively advancing educational reform through digital initiatives, having developed a unique digital environment for parental involvement against the backdrop of institutional transformation [12, p. 88]. A comparison of the two countries can reveal the complex mechanisms and cultural differences through which digital transformation shapes parental emotional support during the transition to higher education.

1. Digital Transformation in Education: Theoretical Foundations and Practical Overview

Digital transformation in education refers to the systematic integration of digital technologies into teaching processes, institutional management and the broader educational ecosystem [8, p. 5]. It differs from simple ‘digitisation’ (i.e. converting analogue information into digital format) in that it involves a fundamental restructuring of educational practice through technology, including a shift towards personalised learning, data-driven assessment, and the breaking down of traditional boundaries between home and school.

UNESCO’s 2023 Global Education Monitoring Report notes that over 130 countries have introduced national digital education policies, reflecting a global consensus that technology is a vital pillar for enhancing educational quality and promoting educational equity in the modern era [21, p. 14]. Relevant theoretical perspectives draw upon multiple disciplines: educational technology scholars focus on the functional value of digital tools – namely, their capacity to extend, enhance, adapt or redefine educational tasks [18]; whereas educational sociologists emphasise that digitalisation may reproduce or even exacerbate structural inequalities, particularly as manifested in the digital divide [22, p. 6].

In China, the national digital education strategy has been progressively implemented through successive Five-Year Plans, culminating in the ‘2021–2025 Plan for Education Informatisation’, which mandates the integration of artificial intelligence, big data and cloud computing into school curricula and management systems [15]. Platforms such as Xuexi Tong, DingTalk and WeChat have

become central to China’s school communication systems, enabling real-time feedback on student performance to parents and facilitating large-scale home-school dialogue.

In Kazakhstan, the digital transformation of education is driven by the ‘Digital Kazakhstan’ national programme (2018–2022) and subsequent initiatives, with the aim of equipping all schools with high-speed internet, providing students with digital devices, and establishing a national online learning platform [9, p. 3]. Although cities such as Almaty and Nur-Sultan have made significant progress, rural areas still suffer from infrastructure shortcomings, which constrain effective digital participation. This urban-rural divide has a significant impact on the equity of digital parental engagement nationwide.

2. Parental Emotional Support: Conceptual Framework and Educational Implications

Parental emotional support encompasses a range of behaviours: expressing affection, acknowledging children’s emotions, offering comfort during times of stress, and conveying confidence in their academic abilities [17, p. 374]. It differs from instrumental support (such as homework assistance) and informational support (such as advice on course selection), focusing instead on the emotional aspects of the parent-child relationship as they relate to education.

Bronfenbrenner’s ecological systems theory provides a foundational framework for understanding the role of parental emotional support within the student’s overall social environment [3]. This model posits that the family microsystem and the school microsystem are interconnected via the mesosystem (the home-school interaction arena). Digital communication technologies have significantly expanded the interactive bandwidth of this mesosystem, enabling more frequent, diverse, and potentially more nuanced home-school interactions.

Self-determination theory further elucidates the underlying mechanisms through which parental emotional support influences student development [5, p. 227]. This theory posits that when parents fulfil their children’s three fundamental psychological needs – autonomy, competence and relatedness – the child’s motivation to learn is enhanced. Emotionally supportive parenting – that is, being involved without being overly controlling, and encouraging without coercing – is associated with higher intrinsic motivation, greater academic engagement and better emotional well-being.

Empirical research consistently indicates that students who receive high levels of parental

emotional support demonstrate superior academic performance, lower levels of anxiety and depression, and a more positive attitude towards school [7, p. 202]. This effect is particularly pronounced during the transition to secondary school: as existing social networks are disrupted and pressures in the new academic environment increase, children's need for secure attachment and parental reassurance becomes more acute. Consequently, how digital transformation affects the quality and quantity of emotional support during this phase has become a key research question.

3. The Transition to Secondary School and Student Adjustment: Challenges in the Digital Age

The transition to secondary school is one of the most extensively studied topics in developmental and educational psychology, regarded as a phase where high risks coexist with developmental opportunities [6, p. 90]. The transition from primary to secondary school (typically between the ages of 11 and 13) involves multiple simultaneous changes: increased academic demands, the restructuring of peer relationships, and a more distant teacher-student relationship, requiring students to develop stronger self-management and independent learning skills.

In China, this transition is subject to heightened pressure due to the high-stakes nature of the Zhongkao (the general secondary school entrance examination), placing immense strain on pupils in the upper years of primary school and the lower years of secondary school, as well as their families [25, p. 77]. Research indicates that Chinese pupils frequently experience rising academic anxiety and declining self-efficacy during this phase; pressure transmitted by parents via digital monitoring tools can sometimes exacerbate rather than alleviate these difficulties.

In Kazakhstan, the transition to secondary education faces unique challenges. The legacy of the post-Soviet education system, combined with ongoing reforms promoting core competencies and trilingual education, creates a complex and somewhat unstable academic environment for students at this stage [2, p. 31]. Many parents, having completed their own education under the Soviet system, find it difficult to provide effective academic guidance for the reformed curriculum; consequently, the importance of emotional support (which is less dependent on the curriculum) is all the more pronounced.

The impact of digital technology on the transition to secondary education is both empowering and potentially disruptive. On the one hand, digital communication platforms allow parents to

keep abreast of their children's grades, attendance and behavioural performance, facilitating more timely and precise emotional support; on the other hand, constant digital monitoring may undermine adolescents' autonomy, trigger surveillance anxiety and ultimately diminish the quality of parent-child relationships [14, p. 89]. Consequently, striking a balance between supportive digital engagement and intrusive digital monitoring has become a core dimension of contemporary parental support systems.

4. Digital Platforms as Mediators of Parental Emotional Support: A Comparative Analysis

The emergence of dedicated home-school communication platforms has created new forms of emotional engagement for parents in education. In China, platforms such as DingTalk and WeChat parent groups have become ubiquitous tools in school life, delivering daily updates to parents on homework, exam results and teacher feedback [11, p. 55]. These platforms have overcome the temporal and spatial constraints of traditional parent-teacher meetings, enabling continuous engagement; for both parents and children, this may provide emotional comfort but may also create an emotional burden.

Research on urban schools in China indicates that digital parental engagement is significantly influenced by differences in socioeconomic status and digital literacy [24, p. 112]. Parents with higher levels of education and stronger technical skills are better able to utilise digital tools to provide nuanced emotional support – such as offering encouragement through personalised messages, participating in school activities via live streams, and accessing psychological resources online. Conversely, parents with lower digital literacy may perceive digital communication platforms as a source of anxiety rather than an empowering tool, thereby transmitting this anxiety to their children.

In Kazakhstan, digital parental engagement is still in its early stages but is evolving rapidly. The national 'e-Mektep' platform, launched in 2018, allows parents to view grades, attendance records and teacher notifications online, significantly expanding digital home-school connections [16, p. 7]. However, qualitative research indicates that many parents primarily use the platform for monitoring rather than active emotional engagement, reflecting both cultural norms regarding parenting roles and the limitations of digital capabilities [19, p. 34].

Cross-national comparisons of parental emotional support in the digital age must account for deep-seated cultural differences in parenting

philosophies and notions of emotional expression. In China, influenced by Confucian culture, parental emotional support is often expressed indirectly – through self-sacrifice, dedication and high academic expectations – rather than through explicit verbal affirmation [23, p. 17]. Against this backdrop, digital platforms serve more as tools for conveying high expectations than as channels for unconditional positive regard. In Kazakhstan, traditional Kazakh collectivist values, Soviet-era educational norms and contemporary individualist trends intertwine to form a parenting culture that values both family community support and academic achievement, thereby shaping a unique environment for digital parental engagement.

Despite these differences, both countries exhibit a common tension: whilst digital technology enhances emotional support, it also carries the risk of excessive digital engagement. Research in both China and Kazakhstan indicates that the emotional quality of digital parent-child communication – whether interactions are warm, responses are timely, and attention is paid to the child's emotional state – is a more effective predictor of positive student development outcomes than the frequency of digital contact [4, p. 76]. This finding suggests that research should shift from quantitative indicators of digital parental involvement to qualitative assessments of the emotional dimensions of digital parent-child communication.

5. Discussion: Implications for Policy and Practice

The comparative analysis in this paper offers several important implications for educational policy and practice in both China and Kazakhstan. Firstly, the design of digital communication platforms between schools and parents should take into account the emotional dimensions of parental involvement, rather than focusing solely on information and tool functionality. Platforms that merely provide parents with academic data and behavioural records may inadvertently foster a culture of surveillance-based parenting, thereby undermining the quality of parent-child emotional bonds.

Secondly, digital literacy training for parents should encompass not only technical skills but also the socio-emotional dimensions of digital communication. Parents need to learn how to use digital tools to express emotional support, set healthy boundaries for digital monitoring, and foster their children's digital autonomy. Such training is particularly urgent in Kazakhstan, where the rapid proliferation of platforms has outpaced the development of digital parenting capabilities.

Thirdly, the interplay between educational digitalisation and parental emotional support must be understood within the specific cultural contexts of each country. Interventions aimed at enhancing digital parental engagement should be culturally adapted – for example, respecting the more indirect emotional expression characteristic of Chinese parenting culture, or the collectivist nature of family support in Kazakh culture. The value of cross-cultural comparison lies not in identifying universal solutions, but in revealing the diverse pathways through which digitalisation shapes the emotional ecology of education.

Finally, attention must be paid to issues of equity in digital parental engagement. The digital divide resulting from socio-economic status, geography and educational background means that the benefits of digital home-school connections are not distributed equitably. In both China and Kazakhstan, students from disadvantaged families not only face insufficient digital parental engagement but may also suffer the compounding disadvantage of a lack of emotional support during critical school transition phases. Addressing this equity issue requires the coordinated advancement of digital infrastructure development, device distribution and support for the digital literacy of families from disadvantaged groups.

Conclusion

This paper uses China and Kazakhstan as comparative case studies to explore the intersecting issues of educational digital transformation and parental emotional support during the transition to higher education. The analysis indicates that digital technology has significantly expanded the forms and temporal-spatial scope of parental involvement in education, whilst simultaneously introducing new complexities arising from digital literacy, cultural norms and the risks of monitoring-oriented parenting.

Both China and Kazakhstan are rapidly advancing the digitalisation of education, yet the cultural contexts of digital parental involvement differ markedly. In China, high academic pressure and Confucian parenting culture have jointly shaped a model of digital engagement characterised by academic monitoring and expectations of achievement; in Kazakhstan, traditional collectivist values, the post-Soviet institutional legacy and contemporary reform demands interact to form a distinct yet equally complex landscape of digital parental emotional support.

In both contexts, the emotional quality (rather than mere frequency) of digital parent-child communication is a key determinant of positive developmental outcomes during the transition to higher

education. This finding holds significant implications for the design of educational technology platforms, the content of digital parenting programmes, and the equity frameworks of national digitalisation policies. Future research could employ a longitudinal mixed-methods design to track the long-term impact of parental emotional support – under varying forms and intensities of digital engagement – on students' developmental trajectories, thereby fostering a more nuanced and evidence-based understanding of this critical dimension of contemporary education.

References

1. Akos P., Galassi J.P. Middle and high school transitions as viewed by students, parents, and teachers // *Professional School Counseling*. – 2004. – Vol. 7(4). – P. 212-221.
2. Bridges D. (Ed.) *Educational reform and internationalisation: The case of school reform in Kazakhstan*. – Cambridge University Press, 2014. – 286 p.
3. Bronfenbrenner U. *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. – Harvard University Press, 1979. – 330 p.
4. Chen X. Parental digital involvement and student academic achievement in Chinese urban schools // *Asia Pacific Journal of Education*. – 2021. – Vol. 41(1). – P. 67-82.
5. Deci E.L., Ryan R.M. The 'what' and 'why' of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // *Psychological Inquiry*. – 2000. – Vol. 11(4). – P. 227-268.
6. Eccles J.S., Wigfield A., Midgley C., Reuman D., Mac Iver D., Feldlaufer H. Negative effects of traditional middle schools on students' motivation // *The Elementary School Journal*. – 1993. – Vol. 93(5). – P. 553-574.
7. Fan X., Chen M. Parental involvement and students' academic achievement: A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. – 2001. – Vol. 13(1). – P. 1-22.
8. Fullan M., Quinn J. *Coherence: The right drivers in action for schools, districts, and systems*. – Corwin Press, 2016. – 192 p.
9. Government of Kazakhstan. State program 'Digital Kazakhstan'. – Astana, 2017. – 45 p.
10. Grolnick W.S., Ryan R.M. Parent styles associated with children's self-regulation and competence in school // *Journal of Educational Psychology*. – 1989. – Vol. 81(2). – P. 143-154.
11. Hu Y. Digital parenting in China: WeChat groups, homework supervision, and parent-school communication // *Chinese Education and Society*. – 2020. – Vol. 53(2). – P. 50-64.
12. Issakhova P., Begimkulova G., Zhaksylykova A. Digital transformation in Kazakhstani schools: Progress, challenges, and implications for equity // *Central Asian Journal of Education*. – 2022. – Vol. 7(1). – P. 80-99.
13. Li J. *Cultural foundations of learning: East and West*. – Cambridge University Press, 2012. – 310 p.
14. Lythcott-Haims J. *How to raise an adult: Break free of the overparenting trap and prepare your kid for success*. – Henry Holt, 2015. – 352 p.
15. Ministry of Education of China. *Education Informatization 2.0 Action Plan*. – Beijing, 2021. – 28 p.
16. Ministry of Education of Kazakhstan. *National report on the state and development of the education system of the Republic of Kazakhstan*. – Nur-Sultan, 2020. – 264 p.
17. Pomerantz E.M., Moorman E.A., Litwack S.D. The how, whom, and why of parents' involvement in children's academic lives: More is not always better // *Review of Educational Research*. – 2007. – Vol. 77(3). – P. 373-410.
18. Puentedura R. *Transformation, technology, and education*. – 2006. – URL: <http://hippasus.com/resources/tte/> (accessed: 10.03.2026).
19. Seitkali A., Nurmagambetova A. Digital parental engagement through the e-Мектеп platform: Teacher and parent perspectives // *Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University*. – 2021. – Vol. 14(2). – P. 28-41.
20. Selwyn N. *Education and technology: Key issues and debates*. – 2nd ed. – Bloomsbury Academic, 2016. – 224 p.
21. UNESCO. *Global Education Monitoring Report 2023: Technology in Education – A Tool on Whose Terms?* – Paris: UNESCO, 2023. – 456 p.
22. Warschauer M. *Technology and social inclusion: Rethinking the digital divide*. – MIT Press, 2004. – 260 p.
23. Wu P.C. Parenting in Chinese culture // *Handbook of parenting* / Ed. by M. H. Bornstein. – Vol. 4. – Lawrence Erlbaum, 2001. – P. 59-93.
24. Zhang L., Li X. Socioeconomic status, digital parental involvement, and academic achievement: Evidence from Chinese primary schools // *Journal of Education and Development*. – 2019. – Vol. 3(2). – P. 105-120.
25. Zhao Y. Who's afraid of the big bad dragon? Why China has the best (and worst) education system in the world. – Jossey-Bass, 2014. – 272 p.

Hamatan Hengbati

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

A STUDY ON CLASSROOM TEACHING PRACTICE IN VOCATIONAL EDUCATION IN THE ERA OF DIGITAL INTELLIGENCE

Abstract. *With the rapid development of artificial intelligence, big data, cloud computing, and the Internet of Things, vocational education is experiencing profound transformation in the era of digital intelligence. As an educational sector closely connected with economic development and industrial upgrading, vocational education has become an important field for digital reform. Against this background, how to effectively integrate digital-intelligent technologies into classroom teaching and improve the quality of technical and skilled talent cultivation has become a key issue in contemporary vocational education reform. This study focuses on classroom teaching practice in vocational institutions within the autonomous region. Using literature review, questionnaire surveys, classroom observation, and in-depth interviews, it examines the current problems and development pathways of classroom teaching in vocational education in the era of digital intelligence. The findings indicate that current teaching practice faces several major challenges, including an overemphasis on hardware investment over pedagogical application, insufficient teacher digital literacy, underutilization of teaching data, low effectiveness of digital resource use, and the digital divide between classroom teaching and real workplace practice. To address these problems, this paper proposes practical reform pathways from five dimensions: environmental upgrading, teacher capacity reshaping, evaluation reform, resource reconstruction, and industry – education integration. It further advances promotion strategies from the perspectives of teacher development, school management, policy support, and school – enterprise collaboration. The study argues that the digital transformation of vocational classroom teaching is not merely a matter of technological renewal, but a systematic reform involving educational concepts, institutional mechanisms, teaching culture, and collaborative governance.*

Keywords: *digital intelligence, vocational education, classroom teaching, digital transformation, teacher digital literacy, industry-education integration.*

1. Introduction

With the rapid advancement of artificial intelligence, big data, cloud computing, and the Internet of Things, educational systems across the world are undergoing profound changes. Vocational education, as a type of education closely linked to social and economic development, has become a major focus of digital transformation. National policies such as the Education Informatization 2.0 Action Plan and the Action Plan for Quality Improvement and Excellence Cultivation in Vocational Education have further clarified the strategic direction for the digital development of vocational education. In this context, the effective integration of digital-intelligent technologies into classroom teaching has become a central issue in vocational education reform.

Existing studies show that international research has explored various forms of digitally enhanced vocational teaching, such as smart factory classrooms, immersive VR/AR-based practical training, project-based learning, blended learning, and gamified learning. In China, research on the digitalization of vocational education has

increased rapidly, with major attention given to policy construction, teaching model innovation, and platform development. However, current studies still pay insufficient attention to the actual operation of vocational classrooms, especially in western and ethnically diverse regions.

Based on this background, the present study takes classroom teaching practice in vocational institutions within the autonomous region as its research object. It aims to examine the main dilemmas of classroom teaching in the era of digital intelligence and to propose practical reform pathways and promotion strategies suited to the regional context. The study follows the logical framework of “problem diagnosis–path exploration–strategy development.”

2. Literature Review and Problem Analysis

2.1. The Structural Disconnection Between Technology and Teaching

One major problem in current vocational classroom reform is the excessive emphasis on hardware investment and the neglect of pedagogical application. The original text notes that more than 70% of information-based construction

investment in recent years has been directed toward hardware procurement, while less than 30% has gone to software platforms, teaching resource development, and teacher training. This imbalance has resulted in a situation where technologies are present, but their pedagogical value is not fully realized.

Classroom observation further shows that some teachers use smart blackboards merely to display PowerPoint slides or videos, while the utilization rate of virtual simulation equipment remains low. In many cases, teaching platforms are used only for basic functions such as attendance and homework submission, rather than for interactive teaching or learning analytics. This indicates that technology and teaching remain structurally disconnected.

2.2. Teachers' Digital Literacy and Role Transformation

Digital-intelligent teaching requires teachers to possess not only technical skills, but also new pedagogical roles. Teachers are expected to shift from being transmitters of knowledge to facilitators of learning, organizers of interactive activities, and users of educational data. However, the study points out that teachers' digital literacy remains uneven, and many teachers still rely heavily on traditional teaching approaches.

To address this issue, the original text proposes a differentiated development framework: young teachers should strengthen advanced abilities such as data analysis and resource development; middle-aged teachers should focus on blended teaching design and project-based teaching; and senior teachers should first overcome technical anxiety and develop basic operational competence.

2.3. Dormant Data and Limited Evaluation Reform

Another key challenge concerns the underuse of educational data. Although digital platforms can collect large amounts of information about student learning behavior, such data often remain fragmented and underutilized. As a result, teachers are unable to make full use of learning analytics for precise teaching intervention and personalized guidance. The original text explicitly calls this issue "dormant data."

The text also emphasizes that classroom evaluation still relies too heavily on final results rather than process-based and multidimensional assessment. This limits the capacity of vocational education to evaluate participation, collaboration,

problem solving, and other important competencies in the learning process.

2.4. The Gap Between Resource Construction and Use

The study further highlights that many digital resources are "built but not used." Although vocational institutions have invested in resource banks, online courses, and digital platforms, many of these resources have limited classroom relevance, are not updated in a timely manner, or are inconvenient to access. Consequently, resource construction and actual teaching practice remain weakly connected.

2.5. The Digital Divide in Industry – Education Integration

Vocational education depends heavily on close alignment between teaching and workplace practice. However, the original text notes that enterprise production data, technical standards, and workflow processes have not yet been effectively incorporated into classroom teaching. Because of this, students often experience a clear gap between what they learn in school and what they encounter during internships and employment. The text also states that more than 40% of employers reported that graduates require more than three months to adapt to their positions, largely because of the mismatch between school teaching content and enterprise needs.

3. Research Design

3.1. Research Object

This study focuses on classroom teaching practice in vocational institutions within the autonomous region.

3.2. Research Methods

This study adopts a mixed-methods design, including literature review, questionnaire survey, classroom observation, and in-depth interviews. Through the combined use of quantitative and qualitative methods, it analyzes current problems and explores practical pathways for classroom reform in vocational education in the era of digital intelligence.

3.3. Research Framework

The overall framework follows the logic of "problem diagnosis–path exploration–case analysis–countermeasure recommendations," aiming to form an integrated link between theory and practice.

4. Practical Pathways for Reform

4.1. Environmental Upgrading

To solve the problem of emphasizing hardware over software, schools should promote coordinated development between hardware

construction and software application. The text proposes an integrated mechanism of “hardware + software + services,” the establishment of unified data platforms, technical support teams, and incentive systems for technology use in teaching.

4.2. Teacher Capacity Reshaping

A differentiated teacher training system should be established to support teachers at different career stages. Standards for teacher digital literacy should be developed, layered training should be carried out, and collaborative teacher innovation teams should be encouraged. Digital literacy should also be incorporated into teacher evaluation and promotion systems.

4.3. Evaluation Reform

The study advocates the use of learning analytics to construct student learning profiles and support the integration of process-based and outcome-based evaluation. By doing so, classroom evaluation can move from experience-based judgment toward data-driven teaching improvement.

4.4. Resource Reconstruction

The original text recommends changing the traditional model of static resource construction and moving toward dynamic generation and collaborative sharing. Teachers should be encouraged to develop flexible teaching materials based on actual classroom needs, while schools should strengthen school-based resource sharing and regular updating mechanisms.

4.5. Industry – Education Integration

The study proposes reconstructing teaching scenarios through the integration of virtual and real contexts. Specific measures include sharing authentic production data, building dual-teacher teams composed of enterprise mentors and school teachers, co-developing curriculum resources, and establishing stronger links between classroom teaching, internship training, and employment.

5. Discussion

The findings of this study suggest that the digital transformation of vocational classroom teaching should not be understood as a purely technical issue. Rather, it is a systematic educational reform process that requires parallel changes in pedagogical beliefs, teacher development, evaluation systems, resource construction, and school – enterprise cooperation. The problems identified in this study – such as the dominance of hardware investment, insufficient teacher preparedness, dormant educational data, and the gap between school teaching and enterprise practice – indicate that technological modernization alone cannot guarantee high-quality teaching reform.

Therefore, vocational education institutions should pursue digital transformation through a more holistic strategy. In particular, attention should be paid to regional realities, especially in western and ethnically diverse areas where contextual constraints may be more significant. Reform measures should be adapted to local industrial structures, educational conditions, and teacher development needs. This context-sensitive perspective is one of the main contributions of the present study.

6. Conclusion

The era of digital intelligence has brought both important opportunities and substantial challenges to vocational education classroom teaching. Based on classroom practice in the autonomous region, this study identifies five major dilemmas: the overemphasis on hardware over software, teacher role disorientation, dormant educational data, the gap between resource construction and use, and insufficient industry – education integration. In response, the study proposes reform pathways from the dimensions of environment, teacher capacity, evaluation, resources, and collaborative governance.

Overall, this study argues that improving classroom teaching in vocational education in the era of digital intelligence requires not only technological support, but also systematic efforts in institutional reform, pedagogical transformation, and collaborative development. It is hoped that these findings can provide useful reference for the high-quality development of vocational education and the cultivation of technical and skilled talent suited to the demands of the digital age.

References

1. Sun Liping. Research on the Compilation of Higher Vocational Mathematics Textbooks and Teaching Practice Driven by the Integration of Industry and Education in the Era of Digital Intelligence [J]. *Technology Wind*, 2025, No. 25: P. 16-18. DOI:10.19392/j.cnki.1671-7341.202525006.
2. Li Xiaochan. Sustainable Development of Deep Industry-Education Integration in the Era of Digital Intelligence: Implications, Dilemmas, and Pathways [J]. *Journal of Hubei University of Education (Second Normal University)*, 2025, No. 42(07): P. 26-30. DOI:10.26931/j.cnki.1674-344x.2025.07.005.
3. Chen Jianqiong, Chen Xianfang, Sun Hua, et al. Challenges and Countermeasures of Career Education in Higher Education Institutions in the Era of Digital Intelligence [J]. *China Employment*,

2025, No. 07: P. 90-91. DOI:10.16622/j.cnki.11-3709/d.2025.07.053.

4. Liao Liling. Construction of a New-Quality Talent Training Model for Vocational Undergraduate Education in the Era of Digital Intelligence [J]. Journal of Shandong Institute of Commerce and Technology, 2025, No. 25(03): P. 53-57. DOI:10.13396/j.cnki.jsict.2025.03.009.

5. Wang Chunying. Research on Strategies for Improving the Digital Teaching Competence of Higher Vocational Teachers in the Era of Digital Intelligence [D]. Guangdong Polytechnic Normal University, 2025.

6. Deng Yiping. Research on Strategies for Vocational Education to Promote the Cultivation of Talents for New Quality Productive Forces in the Era of Digital Intelligence [J]. Digital Communication World, 2025, No. 05: P. 215-217.

7. Sun Meng, Wang Qing. Pathways to Constructing Effective Classrooms in Higher

Vocational Colleges in the Era of Digital Intelligence [J]. PR World, 2025, No. 05: P. 34-36.

8. Chen Liang, Bin Enlin. Dilemmas and Breakthroughs in the Integration of Information Technology and Vocational Education Teaching in the Era of Digital Intelligence [J]. Vocational and Technical Education, 2024, No. 45(32): P. 27-31.

9. Zhu Qiuyue Qiu, Aiqi Xu Shun. Connotation, Transformation Trends, and Future Prospects of Effective Classrooms in Vocational Education in the Era of Digital Intelligence [J]. Vocational and Technical Education, 2024, No. 45(20): P. 31-37.

10. Zhang Ran, Yan Jun, Zhang Jing, et al. Research and Practice of an Integrated Multi-Level Hybrid Teaching Model in Higher Vocational Colleges Oriented Toward Deep Learning [J]. Industrial Technology and Vocational Education, 2023, No. 21(05): P. 24-27. DOI:10.16825/j.cnki.cn13-1400/tb.2023.05.016.

САНГИНОВ Баҳром Каримович

номзади илмҳои педагогӣ, муаллими калони,

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд

**МЕТОДҲОИ БОЗИГӢ ВА МУСОБИҚАВӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ БАЛАНД
БАРДОШТАНИ САТҲИ САЛОМАТИИ ТАЪЛИМГИРАНДАГОН**

Аннотация. Дар мақолаи худ муаллиф нуфуз ва аҳамияти машғулиятҳои ҷисмониро дар инкишофи зеҳнии мактаббачагони синну соли хурди мактабӣ нишон додааст. Дар тарбияи ҷисмонии бачагони синну соли хурди мактабӣ бозигӣ гуногун нақши пешбаранда дорад. Дар раванди таҳқиқот муаллиф дар бораи бозигӣ ва таърихи пайдоиш, нуфузи иҷтимоии он маълумоти мухтасар овардааст.

Калидвожаҳо: бозӣ, методҳои бозигӣ ва мусобиқаӣ, шавқу ҳавас, саломатӣ, машғулиятҳои тарбияи ҷисмонӣ.

Проблемаи ташаккули шавқу ҳавас дар бачагони синну соли хурди мактабӣ барои таҳсилоти муосир яке аз вазифаҳои муҳими педагогӣ ба ҳисоб меравад. Дар илми педагогика ин масъала ҳамчун масъалаи бештар муҳокимашаванда табдил ёфтааст. Пеш аз ҳама масъалаи мазкур бо таҳкими саломатии насли наврас ва татбиқи тарзи ҳаёти солим дар фаъолияти ҳамаҷунун онҳо вобаста мебошад. Дар раванди таълим хонандагон набояд объекти камғайрати таъсироти омӯзгор бошанд. Хеле муҳим аст, ки онҳо мустақилона фаълнокӣ ва майлу рағбатро барои азхудкунии маводҳои таълимӣ зоҳир намоянд, барои дар сатҳи устувор нигоҳ доштани саломатии худ ва таҳкими тарзи ҳаёти солим саъю кӯшиш намоянд. Таҳти нуфузи машғулиятҳои машқҳои ҷисмонӣ қобилиятҳои фаъолияти зеҳнӣ бештар мегардад. Сарборҳои калони руҳии хонандагони хурди мактабӣ то ҳадди ақал баргараф карда мешавад. Ғайр аз ин машқҳои ҷисмонии дуруст интихобшуда барои хуб азхуд намудан ва такмил додани маводҳои таълимӣ мусоидат менамояд.

Я.А. Коменский роҳҳои нави тарбияро пешниҳод намудааст, ки асоси он инкишофи ҷисмонӣ буда, бидуни ҷунин инкишоф инсонии саломатии хуб доштара тасаввур намудан имконноразир мебошад. Мутобиқи ақидаи К.Д. Ушинский протсессии педагогӣ бояд ҳамеша дар асоси донишҳои физиологӣ ва психологӣ кӯдак истинод шуда бошад. Аз рӯи нуқтаи назари ӯ раванди тарбияи зеҳнӣ дар иртиботи доими бо машқҳои ҷисмонӣ қарор дошта бошад, машқҳои ҷисмонӣ бояд дар

ҳамаи машғулиятҳо бояд татбиқ шуда бошад, то ин ки фаъолияти зеҳнӣ боз ҳам самарабахш гардад.

Бозӣ ва рақобат падидаҳои гуногуни иҷтимоӣ мебошанд ва аҳамияти онҳо аз арсаи тарбияи ҷисмонӣ берун мебарояд. Бозӣ дар зинаҳои аввали таърих, бо баробари рушди тамоми фарҳанги ҷомеа, барои қонеъ кардани талаботҳои гуногуни инкишофи кӯдакон равона карда шудааст.

Истифодаи усули бозӣ бо худ системаи методҳо, усулҳои таълим, шаклҳои ташкили дарсҳо, барои таълим ва рушди амали мушаххаси амалҳои ҳаракатиро дар бар мегирад. Таҳти усули бозигӣ истифодаи машқҳои ҷисмонии равонагии эҷодӣ дошта фаҳмида мешавад, ки ба пойдор намудани робитаҳои синкретикӣ дар соҳаи ҳаракатҳо нигаронида шудааст ва бо ёрии он кӯдак барои худ аҳамияти машқҳои ҷисмонӣ ва табиати татбиқи онҳоро меомӯзад [10, с.154].

Дар системаи тарбияи ҷисмонӣ бозӣ барои ҳалли вазифаҳои маърифатӣ, солимгардонӣ ва тарбиявӣ истифода бурда мешавад.

Моҳияти методи бозигӣ дар он мебошад, ки фаъолияти ҳаракатии машқкунандагон дар асоси мазмун, мундариҷа, шарт ва қоидаҳои бозӣ ташкил карда мешавад.

Методи бозигиро ба ду намуд ҷудо намудан мумкин аст: методи тақлидӣ-бозигӣ ва методи классикӣ.

Методи тақлидӣ-бозигӣ бо худ машқҳо ва ҳаракатҳои тақлидиро дар бар мегирад, ки рафтор, хислатҳои ҳайвонот, ҷузъиётҳо, касбҳои одамонро намоиш медиҳанд. Ҳангоми иҷро намудани машқҳои тақлидӣ кӯдак онро бо

саъю кӯшиши зиёд ва иштиёқмандона иҷро менамояд, зеро ин барои ӯ варианти хеле шавқовар мебошад.

Бозӣ ҳамчун методи классикии бозигӣ ҳисобида мешавад.

Бозӣ – ин яке аз методҳои қадимтарин ва дар айни замон методи мубрами тарбияи ҷисмонӣ мебошад.

Бозии серҳаракат, ҳамчун восита ва методи тарбияи ҷисмонии самти маҳсулноки протсессии таълимӣ, тарбиявӣ, солимгардонии методикаи муносири тарбияи ҷисмонӣ мебошад.

Бозии серҳаракат ба он шаклҳои фаъолияти бозигӣ тааллуқ доранд, ки нақши ҳаракатҳо кушоду равшан зоҳир мегарданд. Барои бозихои серҳаракат амалҳои ҳаракатии фаъоли эҷодӣ хос мебошанд ва бо сюжет мотиватсия карда мешаванд. Ин амалҳо қисман бо қоидаҳои маҳдуд карда мешаванд, ки барои рафъ намудани мушкилотҳои гуногун дар роҳи ба даст овардани мувафаккият равона карда шудаанд.

Дар таҷрибаи педагогӣ бозихои серҳаракати коллективӣ ва инфиродӣ, инчунин бозихои ба фаъолияти варзишӣ наздик истифода бурда мешаванд.

Ҳар як бозӣ, ки дар протсессии тарбияи бачагон истифода бурда мешаванд набояд ба сломатии онҳо таъсири манфӣ расонида бошад. Барои педагог муҳим мебошад, ки сарборихои ҷисмонии дар бозихо татбиқ карда шударо мутобиқи вазъи саломатӣ, сатҳи омодагии ҷисмонӣ, синну сол, ҷинс, ва хусусиятҳои инфиродии бачаҳо ба танзим дароварда бошад. Барои гузаронидани назорати тиббӣ ва педагогӣ мусоидат карда бошад.

Педагог бояд саъю кӯшиши худро равона намояд: қави гардонидани саломатии бачаҳо; тарбияи сифатҳои муҳими маънавий-иродавӣ; таъсис додани қобилиятҳои ташкилӣ; мусоидат намудан ба таъсиси маҳорату малакаҳои ҳаётан муҳим; риоя намудани муносибатҳои инфиродӣ бо назардошти хусусиятҳои психологическоии бача [6, с.61].

Барои нигоҳдории рағбати бачагон нисбат ба бозӣ ва иҷроиши вазифаҳои гузашташуда муҳим мебошад: аз қатори бозихои маъмулӣ бояд ҳамон бозиро интихоб намуд, ки ба вазифаҳои гузашта шуда мутобиқ мебошад; ба дастрасии бозӣ баҳо дода ҳамон бозиро интихоб намуд, ки ба сатҳи ташаккули зеҳнӣ ва ҷисмонии бозингарон мутаносиб бошад. Бозии

аз ҳад мураккаб майлу рағбатро коҳиш медиҳад, бозии хеле содда бошад сарбориро талаб наменамояд ва он барои рушду инкишоф мусоидат наменамояд; ҷойи гузаронидани бозӣ бояд пешақӣ омода карда шуда бошад.

Бозии серҳаракат бо қоидаҳои худ – ин фаъолияти бошуурона ва серҳаракати кӯдак мебошад, ки бо иҷроиши дақиқ ва саривақтии супоришҳои барои ҳамаи иштирокчиёни бозӣ ҳатмӣ тавсиф карда шудааст.

Барои бозихои серҳаракат мавҷудияти мундариҷаи маънавий-ахлоқӣ хусусинок мебошад. Бозихо якҷанд сифатҳои ахлоқиро тарбия менамоянд: некроҳӣ, дастгирии ҳамдигарӣ, покқивдонӣ, муташаккилӣ, ташаббускорӣ. Ғайр аз ин гузаронидани бозихои мерҳаракат бо афзоиши баланди эҳсосотӣ, хушҳолӣ ва ҳиссиёти озодӣ пайваста мебошад. [9, с.31]

Дар фаъолияти бозигӣ шароити мусоид барои инкишофи диққат, хотира, фароҳам оварда мешавад. Бозихои серҳаракат барои инкишофи имкониятҳои потенциалӣ ва ташаббусӣ эҷодии бача мусоидат менамояд, зеро: шароитҳоро барои фаъолноки фароҳам меоварад; имконияти интихоб намуданро пешниҳод менамояд; вазъиятҳои муаммогиро таъсис медиҳад, ки бачаҳо худашон роҳи ҳалли онро чувствую менамоянд; барои коркарди бозихои нав мусоидат менамояд; ба тарзи ба даст овардани натиҷа равона менамояд; дарк намудан, идора намудан ва баҳодихии амалҳои худ ва амалҳои рафиқонашро меомӯзонад; сабабиятҳои таълимӣ-доншиандузиро ташаккул медиҳад [9, с.32].

Ҳангоми интихоби бозӣ ба он бозихо тавачҷӯх намуд, ки онҳоро дар ҳавои кушод гузаронидан мумкин бошад. Дар чунин бозихо вазифаҳои мутобиқ намудани хонандагон ба муҳити номусоид ҳал карда мешаванд.

Бозихои тақлидӣ, эҷодӣ ё нақшӣ-сюжетӣ, бозихои гуногуни хушҳолӣ аҳамияти пешбаранда доранд.

Дар тарбияи ҷисмонии мактаббачагон шакли асосии ташкили машғулиятҳо ин дарс мебошад. Лекин дар синфҳои ибтидоӣ бозӣ мундариҷаи асосии дарсро ташкил медиҳад.

Бо назардошти мақсадҳои тарбияи ҷисмонии мактаббачагон, вазифаҳои асосӣ ҳангоми татбиқи бозихои серҳаракат муайян карда шудаанд: таълимӣ, тарбиявӣ ва солимгардонӣ.

Ба вазифаҳои таълимии бозихо ташкил додани ҳаракатҳои табиӣ (роҳгардӣ, дав,

часпида баромадан, ҳаводихӣ ва ғайра) дар вазъиятҳои тағйирёбанда таалуқ дорад, инчунин вазифаҳои таълимии бозиҳо ин ташкил додани маҳорату малакаҳо аз рӯи қисмҳои гуногуни барномаи тарбияи ҷисмонии мактаббачагон мебошад. Аҳамияти таълимиро бозиҳои доранд, ки аз ҷиҳати сохтор ва хусусияти ҳаракатҳо бо ҳаракатҳои дар машғулиятҳои гимнастика, варзиши сабук, бозиҳои варзишӣ омӯхташуда монандӣ доранд. Малакаҳои оддии дар бозиҳо азхуд карда шуда бо осонӣ аз нав созиш дода мешаванд, ҳангоми омӯзиши амиқ ва дақиқи минбаъдаи техникаи амалҳои ҳаракатӣ, азхудкунии онҳоро осон мегардонанд.

Ҳангоми гузаронидани бозиҳои серҳаракат дар машғулиятҳои тарбияи ҷисмонӣ роҳбари дарс вобаста аз вазъият бояд методҳои фронталӣ ва гурӯҳии ташкили дарсро бо ҳам пайваستا татбиқ намояд, бозиҳоро нишон диҳад, ки бо ҳаёти начандон калон гузаронида мешаванд ва дар вақтҳои фароғатӣ, дар рӯи ҳавли онҳо ташкил ва гузаронида метавонанд.

Дар бозиҳои серҳаракат машққунандагон нақшҳои гуногунро иҷро менамоянд (барандаҳо, доварон, ёвари доварон, ташкилкунандагони бозӣ), ки дар онҳо малакаҳои ташкилотчигиро таъсис ва рушд медиҳад.

Вазифаҳои солимгардонии бозиҳои серҳаракат ин мусоидат намудан ба инкишофи муқаррарии ҷисмонӣ ва қавӣ гардонидани саломатии хонандагон мебошад. Истифодабарии пурраи иқтидори солимгардонии бозӣ шартӣ муҳимтарини татбиқи он дар дарсҳои тарбияи ҷисмонӣ мебошад.

Ҳангоми дуруст ба роҳ мондани машғулият бо назардошти хусусиятҳои синну соли ва омодагии ҷисмонии машққунандагон, бозиҳои серҳаракат ба сабзиш, ташаккули қаду қомати ростии бачагон ва наврасон нуфузи мусбӣ мерасонад, имкониятҳои функционалии организмро баланд мебардорад [8, с.28].

Фаъолияти ҳаракатии хонандагон бояд аз тарафи омӯзгор идора карда шуда бошад, яъне вобаста аз сатҳи инкишофи ҷисмонии хонандагон омӯзгор сарбории ҳаракатиро ё зиёд мегардонад, ё онро кам менамояд. Ин бо якчанд тарзу усул ба роҳ монда мешавад: тағйир додани ҳаҷми майдонча, шумораи иштирокчиёни бозӣ дар дастаҳо, давомоти бозӣ, миқдори бозиҳо, фосилаҳо байни бозиҳо. Ҳангоми интиҳоби бозиҳо барои машғулият

бояд вазифаҳои онро дақиқ муайян намуд. Бинобар дарсҳои омехта бозиҳои серҳаракат бо дигар воситаҳои тарбияи ҷисмонӣ бо ҳамбастагӣ истифода бурда мешаванд, бояд мавқеи бозӣ, пайдарҳамии методӣ, пайвастагии бозӣ ва дигар машқҳои ҷисмонӣ муайян карда шуда бошад.

Ҳамин тавр агар дар қисми асосии дарс бозиҳои серҳаракат татбиқ карда шуда бошад, пас бозиҳои пуршиддат бо бозиҳои камшиддат бо навбат ба роҳ монда мешаванд. Ҳамин тариқ ивазшавии сарборӣ бо дамгири таъмин карда мешавад [10, с.147].

Бозиҳои серҳаракат – ин истироҳати фаъолони пас аз фаъолияти бардавоми зеҳнӣ мебошад. Бинобар ҳамин онҳоро дар танаффусҳо, баъди ба итмом расидани дарсҳо дар гурӯҳҳои рӯзи бардавом дошта, ё дар хона гузаронидан ба маврид мебошад [5, с.89].

Барои ҳалли вазифаҳои гуногуни педагогӣ бо назардошти шароити корӣ таснифоти оддии бозиҳои серҳаракат ба таври васеъ истифода бурда мешаванд.

Интиҳоби бозӣ аз вазифаҳои мушаххаси дарс вобаста мебошад. Бозиҳои серҳаракат ҳамчун воситаи беҳтар гардонидани нишондиҳандаҳои психофизикӣ (як намуд ё комплекси қобилиятҳои ҷисмонӣ), мустақкам намудан ва такмил додани маводи барномавии омӯхташуда татбиқ карда мешавад.

Ҳамин тавр яке аз вазифаҳо ва маҷмӯи вазифаҳо ҳал карда мешаванд. Вобаста аз мазмун ва мундариҷаи бозӣ, шиддатнокии он, дар сохтори дарс бозӣ мавқеи муайянро ишғол менамояд. Дар қисми воридоти ва хотимаӣ дар бозиҳо бо элементҳои сафороӣ, барои диққатнокӣ ворид карда мешаванд. Бозиҳои, ки барои ҳалли вазифаҳои асосии дарс равона карда шуда, танҳо дар қисми асосии дарс татбиқ карда мешаванд.

Аз рӯи шароитҳои гузаронидан бошад, ҳаҷми майдонча, мавҷуҳизоти муҳимдидати лавозимот ва таҷҳизоти муҳим ба инобат гирифта мешавад. Агар бозиҳо дар толори васеъ ва майдончаи кушод гузаронида шаванд, ягон маҳдудият пешбини карда намешавад. Ҳамаи он бозиҳои, ки ба вазифаҳои дарс мувофиқ мебошанд интиҳоб кардан мумкин аст. Дар толорҳои хурд имкониятҳо маҳдуд мебошанд. Дар ин маврид аксар вақт бозиҳо дар ҷойи ист (дар давра, дар катор) истифода бурда мешаванд. Шарту шароитҳои гузаронидани бозӣ инчунин ба ташкили бозигии хонандагон нуфузи худро мерасонад.

Ҳангоми мавҷуд будани ҷой ва имкониятҳои ҳаҷми майдонча миқдори дастаҳоро зиёд намудан ва бозихоро дар як вақт дар якҷанд ҷой гузаронидан мумкин аст (сафи хонандагон дар 2-3 давраҳо барои бозихо дар ҷойи ист). Чунин тарзи ба роҳ мондани бозихо зичии ҳаракатҳои дарсҳоро ва таъсиротҳои педагогиро афзун мегардонад.

Бозихо дар барномаи мактабӣ ҷойи муҳимро ишғол менамоянд. Онҳо яке аз воситаҳои муҳимтарини тарбияи ҳамаҷаҳади ҷисмонӣ мебошанд. Дар бозихо ҳамаи намудҳои ҳаракатҳо мушоҳида карда мешаванд: роҳгардӣ, давидан, ҷаҳидан, ҳаво додан, рафъ намудани монеаҳо, муқовимат нишон додан. Дуруст ба роҳ мондани бозихо барои ташаккули диққатнокӣ, зиракӣ, ҷолокӣ, босуръатӣ, қувва, тобоварӣ мусоидат менамоянд. Бозихоӣ коллективӣ бошад барои тарбияи дӯстӣ ва рафоқат мусоидат менамояд.

Бозихоӣ дар майдончаи кушод гузаронида шаванда таъсири калони бардамнамоӣ дошта, фаъолияти тамоми организмро беҳтар мегардонад, ва ҳамчун воситаи истироҳати фаъол истифода бурда мешавад.

Дар рафти бозихо бачаҳо ҳамеша фаъол ва ташаббускор мебошанд. Ҳамзамон шарт ва қоидаҳои бозӣ онҳоро ба худдорӣ водор менамоянд.

Фаъолнокӣ ва худдорӣ дар бозихоӣ дуруст ба роҳ монда шуда якҷоягии бомуваффақиятро нишон медиҳанд.

Бозихо бо сароидани суруд, таҳти мусиқӣ, ва бозихоӣ мусиқӣ барои тарбияи эстетикӣ хонандагон мусоидат менамояд.

Дар бозихо бачагон табиӣ будани рафтори худро нишон медиҳанд, онҳо пурра хусусиятҳои мусбӣ ва манфии худро ошкор менамоянд ва ин барои омӯзгор имконияти боз ҳам дурусттра омӯхтани бачаҳо имкониятҳо медиҳад. Бозихо бачаҳоро барои ба таври васеъ намоиш додани хусусиятҳои шахсии худ, фаъолнокӣ ва ташаббускорӣ ҷозибадор мегардонанд. Дар бозихо иштирокчиёни он, беш аз дигар машқҳои ҷисмонӣ, ҳаракатҳои гуногуни бисёрро бо он тавре ки ба онҳо писанд аст ва қобилияти онҳо имконият медиҳад, иҷро менамоянд. Бозихоӣ «Бумча» ё «Ба назди байрақчаҳои худ» бо чунин ҳаракатҳои бой доро мебошанд. Дигар омили ҷозибанокӣ бозихо ин хусусиятҳои мусобикавӣ он мебошад. Боз ҳам хусусиятҳои ҳаяҷонбахш дошта ин бозихоӣ гурӯҳӣ ва даставӣ мебошанд. Дар чунин бозихо ҳар як шахс дар даста ва даста

ҷидду ҷаҳд менамояд, ки худро нишон диҳад, ба натиҷаҳои беҳтарин ноил шаванд ва ғалаба ба даст оваранд. Бояд қайд намоем, ки дар як бозихоӣ гурӯҳи ҳамаи иштирокчиёни он дар як вақт ва якҷоя амалҳоро иҷро менамоянд, ба иштироки шахсии хонанда тавачҷӯҳи дуруст зоҳир карда намешавад. Бозихоӣ гурӯҳи ҳастанд, ки саҳми ҳар як иштирокчи дар алоҳидагӣ хеле бузург мебошад ва ба ҳаракатҳои бозингар дигарон тавачҷӯҳ менамоянд. Дар бозихо бачаҳо талаботҳои ба худ хосро қонеъ мегардонанд.

Бо гузаронидани бозихо таъсиргузаронии хос ба гурӯҳи мушакҳо, буғумҳо ва дигар узвҳои машқунандаҳо имконнопазир мебошад. Бинобар ҳамин бозихоро бо якҷоя намудани дигар воситаҳои тарбияи ҷисмонӣ истифода бурдан зарур аст [10, с.163].

Қорҳои мактабӣ доир ба тарбияи ҷисмонӣ бо шаклҳои гуногун ифода карда шудааст, ки аз хонандагон зоҳир намудани фаъолнокӣ, ибтикор ва ташаббусро талаб менамояд, ки барои ташаккули шавқу ҳавас нисбат ба машғулиятҳои тарбияи ҷисмонӣ мусоидат менамояд. Тарбияи ҷисмонӣ хонандагонӣ хурди мактабӣ хусусиятҳои хоси худро дорад, ки аз хусусиятҳои анатомӣ-физиологӣ ва психологӣ онҳо вобаста мебошад. Мутаасифона машқҳои ҷисмонӣ барои бачаҳо на ҳама вақт шавқовар мебошанд.

Барои хонанда шавқовар намудани фаъолияти таълимӣ яке аз вазифаҳои муҳим ва мушкили дидактика мебошад, ки ҳалли он дар ташаккули қобилиятҳои зеҳнии бача мусоидат менамояд, тарбияи ахлоқӣ ӯро таъмин менамояд.

Бинобар ҳамин хеле муҳим аст, ки иштиёқи хонандагон нисбат ба дарсҳо ва машғулиятҳои мустақилона пайдор карда шуда бошад. Барои ин мо бояд навоарӣ карда бошем, бозихо ва лаҳзаҳои бозигӣ ва технологияи муосири таълимро татбиқ карда бошем.

Адабиёт

1. Архипова Л.А. Методика преподавания физической культуры в начальной школе, Тюмень 2013, 264 с.
2. Ашмарин Б.А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании (пособие для студентов, аспирантов и преподавателей физ. культуры) / Б.А. Ашмарин – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 223 с.

3. Богданов Г.П. Руководство физическим воспитанием школьников, М.; Просвещение, 1972.
4. Брехман И.И. Валеология – наука о здоровье. – 2-е изд. / И.И. Брехман – М.: Физкультура и спорт, 1990.
5. Брехман И.И. Введение в валеологию – науку о здоровье / И.И. Брехман Л., 1987. – 125 с.
6. Гужаловский А.А. Развитие двигательных качеств у школьников / А.А. Гужаловский – Минск, 2002. – 88 с.
7. Демчук К.Б., Костюкова О.Н., Болгарчук Т.М., Игнатенков В.В. Организация и проведение спортивных мероприятий: методическое пособие. – Краснодар, 2010. – 52 с.
8. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания, М.; Просвещение, 1980.
9. Калинцева И.Г. Основы методики применения подвижных игр на занятиях по физической культуре; учебно-метод.разработка; Владимир, ВлГУ, 2014. – 52 с.
10. Качашкин А. Методика физического воспитания в начальных классах Москва 1972. – 354 с.
11. Коробейников Н.К., Физическое воспитание, (учебное пособие) М.; Высшая школа, 1989.

SANGINOV Bakhrom Karimovich

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Khujand State University named after academician B. Gafurov, Republic of Tajikistan, Khujand

GAME AND COMPETITIVE METHODS AS A MEANS OF IMPROVING STUDENTS' HEALTH

Abstract. *In his article, the author showed the influence and importance of physical exercise on the intellectual development of primary school age students. Various games play a leading role in the physical education of primary school children. In the course of the research, the author provides brief information about the game and the history of its origin, as well as its social impact.*

Keywords: *play, gaming and competitive methods, motivation and interests, health, physical education.*

ПАСТУХОВА Татьяна Ильинична

студентка,

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Россия, г. Абакан

*Научный руководитель – доцент кафедры дошкольного, начального и специального образования
Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова,
кандидат педагогических наук Сагоякова Наталья Федоровна*

СЕНСОРНАЯ ЮБКА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Развитие связной речи у детей среднего дошкольного возраста обусловлена тем, что это ключевой этап в формировании коммуникативных навыков, познавательной деятельности и мышления. Именно в этом возрасте закладываются основы для успешного обучения и дальнейшей социализации, а проблемы с речью могут привести к трудностям в общении и обучении.

Ключевые слова: речь, связная речь, дети среднего дошкольного возраста, сенсорная юбка.

Развитие связной речи является центральной задачей речевого воспитания детей дошкольного возраста. Связная речь выступает не только как высшая форма речевой деятельности, но и как важнейшее условие успешной социализации, познания окружающего мира и формирования личности ребенка. Особое значение этот процесс приобретает в среднем дошкольном возрасте (4–5 лет), когда происходит качественный переход от ситуативной, диалогической речи к начальным формам контекстного монолога: описанию, пересказу, рассказу по картине и из личного опыта [3].

Теоретические основы развития связной речи у дошкольников достаточно полно разработаны в трудах отечественных ученых. Фундаментальные исследования развития детской речи, закономерностей ее становления и механизмов развития были заложены в работах Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, А. Н. Гвоздева. Психологические особенности становления связной речи в дошкольном возрасте, связь речи с мышлением и деятельностью раскрыты в трудах Д. Б. Эльконина, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна. Методика развития связной речи как специального направления педагогической работы была обоснована в исследованиях Ф. А. Сохина, О. С. Ушаковой, Е. И. Тихеевой, Е. А. Флериной, В. И. Яшиной. В их работах определены цели, задачи, содержание и методы формирования разных видов связных высказываний (описания, повествования, рассуждения) у детей различных возрастных групп [1].

Однако, как показывает практика, у многих современных детей данного возраста наблюдается отставание в развитии связной речи, что проявляется в бедности словаря, трудностях построения развернутого высказывания, нарушении логической последовательности повествования, низкой речевой инициативе. Традиционные методы развития речи (беседы, пересказ, заучивание стихов) зачастую воспринимаются детьми как дидактические, обязательные задания, что снижает их внутреннюю мотивацию и, как следствие, эффективность занятий. В этой связи поиск инновационных, эмоционально привлекательных для ребенка педагогических средств становится одной из приоритетных задач в развитии связной речи [2].

Одним из таких средств, успешно стимулирующих речевую активность, является сенсорная (или дидактическая) юбка педагога. Это специально разработанный элемент костюма, оснащенный множеством карманов, креплений, тактильных элементов (липучек, пуговиц, молний), съемных деталей и мини-объектов, объединенных общей тематикой. Сенсорная юбка трансформирует педагога из носителя информации в волшебного персонажа, носителя загадок и сюрпризов, что полностью соответствует игровой доминанте восприятия мира ребенком-дошкольником.

В теоретических исследованиях сенсорная юбка как объект научного анализа практически не представлена. Отсутствуют исследования,

раскрывающие ее дидактический потенциал, с позиций педагогики или психологии.

В практико-ориентированной и методической литературе, а также в профессиональном интернет-сообществе педагогов (сайты «МААМ.ру», «Инфоурок», педагогические блоги и форумы) идея сенсорной юбки получила широкое распространение в последнее десятилетие. Она рассматривается как средство для сюрпризных моментов, активизации внимания.

Актуальность нашего исследования обусловлена:

- социально-педагогической значимостью развития связной речи как основы коммуникативной компетентности ребенка;
- потребностью в обновлении методического арсенала педагогов ДООУ путем внедрения игровых, интерактивных технологий, повышающих мотивацию детей к речевой деятельности;
- недостаточной теоретической и методической разработанностью потенциала именно сенсорной юбки как целостного дидактического средства для целенаправленного развития всех аспектов связной речи у детей среднего дошкольного возраста.

На диагностическом этапе исследования у детей среднего дошкольного возраста было выявлено, что 8 детей (20%) неспособны составить даже короткий описательный рассказ. Иногда, дети вовсе отказывались выполнять задания, не могли составить связный, целостный и последовательный рассказ, составляли рассказ с нарушением структуры текста. 12 (80%) детей составляли предложения с помощью вспомогательных вопросов, педагог часто помогал им справиться с тем или иным заданием. Смысл текстов не всегда были полностью передан. Результаты исследования показали, что преобладает средний уровень развития связной речи у детей.

Для реализации формирующего этапа исследования был разработан комплекс занятий с использованием сенсорной юбки. Каждое занятие проводилось 15–25 минут. Приведем пример одного занятия.

Структура занятия:

1. Организационный момент (12 мин): обращение к ребёнку, ввод в сюжет.

2. Мобилизация сенсорного интереса (2–4 мин): «разминка» – погладить зоны юбки, услышать звуки, показать цвета.

3. Основная познавательная-речевой блок (8–12 мин): подбор стимулов по сюжету, побуждение ребёнка к описанию/действию/пересказу.

4. Закрепление и рефлексия (2-3 мин): ребёнок выбирает «любимую» зону и рассказывает коротко.

Роль педагога: моделирует целевую речь, задаёт направляющие вопросы, расширяет высказывания ребёнка:

1. Задание «Найди и назови» (развитие диалога, номинативный словарь). Педагог даёт ориентир: «Найди что-то круглое и красное в нижнем кармашке». Ребенок находит, называет объект и, по возможности, его действие («Это яблоко. Его едят»).

2. Задание «Расскажи-ка» (развитие описательной речи). Используется алгоритм-опора, задаваемый педагогом через вопросы, расположенные на кармашках в виде схем-подсказок (глазок – цвет, ручка – форма, носик – размер, сердечко – нравится/не нравится):

«Какого оно цвета? Какой формы? Большое или маленькое?».

«Какое на ощупь? (гладкое, шершавое, мягкое)».

«Где растёт/живёт? Что с ним можно делать?».

Прием «Загадка-описание»: один ребенок описывает объект, не называя его, другие угадывают.

3. Задание «История с секретом» (развитие сюжетной речи).

Прием «Живая картина»: педагог предлагает детям разместить 2-3 выбранных объекта на юбке так, «как будто они дружат» (лиса сидит под деревом). Затем задает сюжетные вопросы: «Что здесь происходит? Что сказала лиса зайцу? Что было потом?».

Прием «Волшебный клубочек»: педагог начинает историю («Жило-было яблоко...»), передает ребенку символ (клубок ниток, волшебную палочку с юбки). Ребенок продолжает фразу и передает эстафету следующему. Создается коллективный рассказ, а юбка служит наглядным полем для «передвижения» героев.

Прием «Спасительная история»: «Морковка загрустила. Придумаем про нее такую историю, чтобы она стала самой счастливой!».

Для закрепления положительного речевого опыта необходимо создать установку на дальнейшее общение. Для этого использовали ритуал благодарности юбке: «Скажем волшебной юбке «спасибо» за интересные истории!».

Рефлексия: простые вопросы: «Какой кармашек тебе понравился больше всего?», «Про кого мы сегодня сочинили сказку?».

Творческое «домашнее задание»: «Давай, когда пойдешь в группу, расскажешь Кате, какого ежика мы нашли. Нарисуй того, кто тебе больше всех запомнился».

Также для развития связной речи были использованы, пришитые на юбке, декорации для рассказывания сказок: домик, дерево, дорожка. Герои сказки, вырезанные из фетра. На первом этапе рассказываю детям сказку, передвигая сказочных героев по декорациям на юбке. Прошу назвать героев сказки, затем играем в игру «Кого не стало?», «Кто лишний?». Беседа по содержанию сказки. Затем педагог рассказывает сказку еще раз, а дети озвучивают героев и передвигают их по декорациям на юбке.

Результаты контрольного этапа исследования показали, что у детей повысилась речевая инициатива, обогатился словарь,

сформированы навыки построения описания и простого сюжетного рассказа с использованием наглядных опор. Все это свидетельствует о развитии связной речи как интегративного умения. А сенсорная юбка выступает игровым и дидактическим пространством, управляющим речевым развитием ребенка.

Литература

1. Урунтаева Г.А. Диагностика психологических особенностей дошкольника/ Г.А. Урунтаева. Хрестоматия по теории и методике развития речи детей дошкольного возраста. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 96 с.
2. Стребелева Е.А. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста/ Е.А. Стребелева. М.: Просвещение. 2007. 78 с.
3. Ушакова О.С. Методика развития речи детей дошкольного возраста / О.С. Ушакова, Е.М. Струнина. М.: «Владос», 2004. 288 с.

PASTUKHOVA Tatiana Ilyinichna

Student, N. F. Katanov Khakass State University, Russia, Abakan

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Preschool, Primary and Special Education of N. F. Katanov Khakass State University, Candidate of Pedagogical Sciences Sagoyakova Natalia Fedorovna

SENSORY SKIRT AS A MEANS OF DEVELOPING COHERENT SPEECH IN MIDDLE-AGED PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. *The development of coherent speech in middle-aged preschool children is due to the fact that this is a key stage in the formation of communication skills, cognitive activity and thinking. It is at this age that the foundations for successful learning and further socialization are laid, and speech problems can lead to difficulties in communication and learning.*

Keywords: *speech, coherent speech, children of middle preschool age, sensory skirt.*

ПШЕНИЧНАЯ Ирина Сергеевна

воспитатель, МБДОУ «Ровеньский детский сад № 3 комбинированного вида»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

НЕТЕЧА Елена Васильевна

воспитатель, МБДОУ «Ровеньский детский сад № 3 комбинированного вида»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

ДЕТСКИЙ ПОДКАСТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВЫ У ДОШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ДОУ

Аннотация. В статье рассматривается развитие детской инициативы у старших дошкольников в условиях цифровой трансформации дошкольного образования. Автор представляет практику создания детского подкаста как инновационную социальную практику, направленную на развитие инициативности детей 5–7 лет.

Ключевые слова: детский подкаст, социальная практика, инициатива, старшие дошкольники, цифровая среда, ДОУ.

Мы живем в эпоху, когда цифровые технологии перестали быть чем-то внешним и факультативным – они стали средой нашего существования. Детский сад как первая ступень образования не может оставаться в стороне от этих изменений. Однако цифровая трансформация дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) – это не замена традиционных занятий планшетами и не обучение детей программированию с трех лет. Это, прежде всего, изменение способов коммуникации, взаимодействия и организации образовательного процесса с использованием новых инструментов. И в центре этой трансформации остаются социальные практики – то, что формирует личность ребенка, его умение общаться, сопереживать и взаимодействовать с миром [1, с. 33].

Важно помнить, что в дошкольном возрасте ведущей деятельностью остается игра. Поэтому цифровые инструменты в детском саду должны не заменять живое взаимодействие, а обогащать его, открывать новые возможности для социализации.

Одной из наиболее интересных и доступных практик, позволяющих ребенку стать не потребителем, а создателем контента, является детский подкаст. Это аудиожурнал, который создается самими детьми при поддержке взрослых: они выбирают темы, готовят рассказы, записывают и «издают» свои выпуски [2, с. 112].

Подкастинг в МБДОУ «Ровеньский детский сад № 3 комбинированного вида Белгородской

области» – это не технологическое развлечение, а мощное средство развития речи, коммуникации, креативности и, главное, пространство для проявления подлинной детской инициативы.

Подкаст уникален тем, что он доступен даже не читающим детям. В отличие от блога, здесь не нужны навыки письма – нужны идеи и желание говорить. Ребенок 5–7 лет уже способен выступить в роли автора: придумать тему, поделиться наблюдением, взять интервью у друга. При этом создание подкаста – процесс коллективный, требующий договоренностей, распределения ролей и взаимопомощи [2, с. 113]. Именно здесь и рождается та самая детская инициатива, которую так трудно «запрограммировать» в традиционных занятиях.

Рассмотрим пошаговый алгоритм, который поможет воспитателям и специалистам ДОУ организовать студию детского подкаста в своей группе.

Этап 1: подготовительный. На этом этапе происходит знакомство детей с форматом подкаста. Воспитатель включает детям короткие детские подкасты (их много в свободном доступе: «Хрум-Хрум», сказки, познавательные истории). Важно обсудить: что мы слышим? (голоса, звуки, музыку); кто это рассказывает? (один человек или несколько?); о чем можно рассказывать в подкасте?

Важно выбрать оборудование и место, для организации студии. Вполне достаточно

диктофона на телефоне (или простой USB-микрофон, подключенный к ноутбуку); тихого места в группе (уголок, ширма, «студия звукозаписи», обозначенная табличкой); наушники (для прослушивания и контроля записи).

После того как студия организована, можно переходить к практической деятельности и формированию интереса у детей. Воспитатель «запускает идею»: «А давайте мы с вами будем записывать свои собственные истории, чтобы их могли слушать наши мамы и папы, дети из других групп, бабушки? Мы создадим свою радиостанцию!». Важно, чтобы идея исходила от детей.

Этап 2: организационный. Подкаст – дело коллективное, поэтому дети вместе с воспитателем решают следующее:

- как будет называться их подкаст? (например, «Голоса дикой природы», «Сказки на ушко», «Почемучки из группы» и др.);
- как часто будут выходить выпуски? (раз в неделю, раз в месяц);
- о чем будут выпуски? (можно привязать к темам недели, праздникам, интересам детей).

После того как дети определяют с темой подкаста, происходит распределение ролей. В создании одного выпуска могут участвовать все, но у каждого есть функция:

- ведущий (диктор) – тот, кто открывает и закрывает выпуск, задает вопросы;
- корреспондент – тот, кто берет интервью;
- автор истории – ребенок, который хочет рассказать свою историю (о питомце, о поездке, о любимой игрушке);
- звукорежиссер (помощник) – ребенок, который следит за тишиной во время записи или подает знак, когда можно начинать (вместе со взрослым);
- оформители – дети, которые рисуют «обложку» для выпуска (потом она фотографируется и прикрепляется к файлу).

Роли ребят обязательно меняются от подкаста к подкасту.

Этап 3: этап подготовки выпуска. Дети собираются в круг («редакционная планерка»). Обсуждают, что интересного произошло за неделю, о чем хочется рассказать. Темы могут быть любыми: «Мой выходной», «Мое любимое блюдо» и др. Идет работа по подготовке текста (свободный рассказ или план). В отличие от сценария, здесь не должно быть заученных текстов. Ребенок рассказывает свободно, но,

чтобы он не растерялся, автор использует: картинки-подсказки (пиктографический план) или для интервью заранее придумывается 2-3 вопроса.

Этап 4: этап записи (техническая реализация). Воспитатель выступает в роли технического специалиста (включает запись, следит за уровнем звука) и режиссера (помогает жестами, подбадривает улыбкой). Запись ведется небольшими фрагментами. Если ребенок сбился – фразу можно начать заново и при монтаже склеить.

Этап 5: этап презентации и рефлексии. Готовый подкаст прослушивается всей группой на «Кругу рефлексии». Для детей это всегда целое событие! Они слышат себя со стороны, радуются, узнают голоса друзей. Так же подкаст отправляется родителям в закрытую группу МАХ.

После премьеры дети обсуждают: Что получилось лучше всего? Кто был самым смелым рассказчиком? О чем мы расскажем в следующем выпуске? Кто хочет попробовать себя в роли ведущего в следующий раз?

Регулярное создание подкастов в ДОУ дает удивительные результаты:

1. Речевое развитие. Дети учатся строить связное высказывание, рассказывать выразительно, не бояться микрофона.
2. Социализация. Дети учатся слушать и слышать друг друга, договариваться, радоваться общему успеху.
3. Развитие инициативы. Появляются дети, которые сами предлагают темы, просят записать их рассказ.
4. Эмоциональное сближение. Родители получают возможность услышать, как их ребенок рассуждает, смеется, рассказывает – это бесценно.
5. Создание «цифрового портфолио». Голоса детей, их истории, их мысли остаются на память на долгие годы.

Детский подкаст – это удивительный пример того, как цифровая среда может стать не источником пассивного потребления, а пространством для активного творчества и проявления детской инициативы. Включая диктофон, мы включаем доверие к ребенку: «Твой голос важен, твоя история интересна». И дети отвечают на это доверие удивительными открытиями, живыми эмоциями и желанием творить снова и снова. Это и есть подлинная цифровая трансформация дошкольного образования.

Литература

1. Бурак Л.А. Детское радио в детском саду: практика создания аудиоконтента дошкольниками / Л.А. Бурак // Дошкольное воспитание. – 2023. – № 4. – С. 32-37.

2. Гермогенова Е.В. Подкастинг как средство развития коммуникативных навыков у детей старшего дошкольного возраста / Е.В. Гермогенова // Педагогика и психология образования. – 2024. – № 1. – С. 112-119.

3. Горвиц Ю.М., Чайнова Л.Д., Поддъяков Н.Н. Новые информационные технологии

в дошкольном образовании / Ю.М. Горвиц, Л.Д. Чайнова, Н.Н. Поддъяков. – М.: Линка-Пресс, 2018. – 328 с.

4. Калинина Т.В. Развитие инициативности и самостоятельности детей старшего дошкольного возраста / Т.В. Калинина. – М.: Педагогическое общество России, 2020. – 144 с.

5. Калинина С.В. Медиаобразование в детском саду: первые шаги / С.В. Калинина // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2022. – № 36. – С. 45-49.

PSHENICHNAYA Irina Sergeevna

Mentor, MBDOU "Rovensky Kindergarten No. 3 of Combined Type",
Russia, Belgorod region, Rovenki

NETECHA Elena Vasilievna

Mentor, MBDOU "Rovensky Kindergarten No. 3 of Combined Type",
Russia, Belgorod region, Rovenki

CHILDREN'S PODCAST AS A SOCIAL PRACTICE FOR DEVELOPING INITIATIVE IN PRESCHOOLERS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT OF PRESCHOOL INSTITUTIONS

Abstract. *The article discusses the development of children's initiative among senior preschoolers in the context of digital transformation of preschool education. The author presents the practice of creating a children's podcast as an innovative social practice aimed at developing the initiative of children aged 5-7.*

Keywords: *children's podcast, social practice, initiative, senior preschoolers, digital environment, preschool educational institution.*

СПРЫГИНА Елена Викторовна

студентка, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия, г. Абакан

*Научный руководитель – доцент кафедры дошкольного, начального и специального образования
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова,
кандидат педагогических наук Сагоякова Наталья Федоровна*

ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ С ОБЪЕКТАМИ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается роль экспериментирования с объектами живой природы как эффективного средства формирования экологической культуры у старших дошкольников. Подчеркивают значимость практического взаимодействия детей с природой для развития у них экологического мышления и ответственного отношения к окружающей среде. В статье представлены методы и подходы к организации экспериментальной деятельности, направленной на изучение живой природы, а также обсуждаются результаты внедрения таких практик в образовательный процесс.

Ключевые слова: объекты живой и неживой природы, дети старшего дошкольного возраста, экологическая культура, экспериментирование.

Формирование экологической культуры у старших дошкольников является важной задачей современного образования. В этом возрасте дети начинают активно познавать окружающий мир, и именно сейчас важно заложить основы бережного отношения к природе. Экологическая культура помогает детям понять значимость природы и её ресурсов, развивает чувство ответственности за окружающую среду и учит принимать осознанные решения, направленные на её сохранение.

Одним из ключевых аспектов формирования экологической культуры является воспитание у детей уважения к природе. Это включает в себя не только знание о растениях и животных, но и понимание их роли в экосистеме. Дети должны осознавать, что каждый элемент природы важен и взаимосвязан, и что человеческая деятельность может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на окружающую среду [2, с. 56].

Однако современные дети, особенно в урбанизированной среде, часто оказываются оторванными от непосредственного контакта с природой, их опыт ограничивается виртуальными образами, что ведет к формированию потребительской, отчужденной позиции. В этой связи поиск эффективных педагогических средств, способных компенсировать данный дефицит и сформировать у старшего дошкольника не

только знания, но и глубокое личностное отношение к природе, приобретает особую актуальность. Анализ педагогической практики и исследований (Н. А. Рыжова, С. Н. Николаева) позволяет выявить ряд ключевых проблем в формировании экологической культуры у детей 5–7 лет. Во-первых, это формализм знаний. Дети могут заучивать названия растений и животных, правила поведения в лесу, но эти знания носят отвлеченный, «книжный» характер и не становятся руководством к действию. Во-вторых, наблюдается эмоционально-ценностный разрыв. Ребенок может сказать, что природе нужно любить и беречь, но при этом равнодушно пройти мимо завядшего растения в группе или раздавить жука. Это свидетельствует о несформированности эмпатии, способности к сопереживанию живому существу. Дети часто не имеют опыта целенаправленной, систематической заботы о живых объектах, не понимают последствий своих действий для экосистемы.

Проблема экологического воспитания дошкольников является предметом активного научного поиска. Фундаментальные теоретические и методические основы заложены в трудах С. Н. Николаевой, разработавшей целостную концепцию и программу «Юный эколог». В. Г. Фокина, Л. М. Маневцова, П. Г. Саморукова исследовали возможности наблюдения как

ведущего метода. Н. А. Рыжова глубоко изучила потенциал проектной деятельности и создания развивающей среды («экологическая тропа»). Вопросы формирования гуманного отношения к живому через общение с природой раскрыты в работах В. В. Смирновой, Л. И. Егоровой.

Анализ педагогического опыта показывает, что наиболее эффективным средством формирования экологической культуры становится экспериментальная деятельность. Работы Н. Н. Поддьякова, О. В. Дыбиной, И. Э. Куликовской, А. И. Ивановой доказывают, что поисково-исследовательская деятельность является естественной, ведущей для дошкольника формой познания мира. Однако, как отмечает О. В. Афанасьева, большинство исследований и методических разработок по экспериментированию сосредоточены на объектах неживой природы (вода, воздух, магниты, песок) [1, с. 32]. Вопросы специфики, содержания и методики организации экспериментирования именно с объектами живой природы (растениями, насекомыми, микроорганизмами) с четко выраженной целью формирования экологической культуры проработаны в меньшей степени. Недостаточно методик, которые органично сочетали бы исследовательский азарт ребенка с формированием бережного, этичного отношения к живому субъекту исследования. Таким образом, актуальным является систематизация и углубление подходов к использованию экспериментирования с живой природой как средства, преодолевающего формализм знаний и формирующего действенную экологическую культуру.

Экспериментирование, в отличие от пассивного наблюдения, включает ребенка в активное преобразование объекта с целью познания его свойств, связей и зависимостей. При работе с живой природой этот метод приобретает особую этическую и педагогическую окраску, требуя соблюдения принципа «Не навреди!». Его реализация видится через следующие пути:

Организация долгосрочных экспериментов-наблюдений. Это позволяет преодолеть фрагментарность знаний и сформировать представление о росте, развитии и цикличности жизни. Например, эксперименты «Что нужно семени для прорастания?» (вариативность условий: свет, вода, тепло), «Как растение ищет свет?», «Почему осенью листья желтеют?». Ребенок не просто фиксирует результат, а ежедневно ухаживает за объектом, устанавливая с ним

личностную связь, наблюдая последствия своих действий или их отсутствия.

Постановка проблемных, поисковых задач экологического содержания. Вместо готовых знаний детям предлагаются ситуации, требующие исследования: «Почему червяка называют «землекопом»? Как мы можем это проверить?», «Могут ли растения «пить» окрашенную воду? Что произойдет со стеблем?», «Как дождевые черви влияют на качество почвы?» (сравнение двух образцов земли). Это развивает критическое мышление и понимание причинно-следственных связей в экосистемах.

Интеграция экспериментирования с другими видами деятельности. Для закрепления эмоционально-ценностного отношения результаты экспериментов должны находить отражение в игре (сюжетно-ролевая игра «Лаборатория», «Экологи»), изобразительной деятельности (ведение дневника наблюдений с зарисовками этапов эксперимента), речевом творчестве (составление рассказов от имени растения, придумывание сказок о своих открытиях). Это обеспечивает целостность восприятия.

Соблюдение этических норм исследовательской деятельности. Педагог должен четко моделировать гуманное отношение: объяснять, что растение или насекомое – живое, ему может быть больно; использовать методы, не причиняющие вреда (наблюдение в садке, опыты с отрезанными листьями, а не целым растением, где это возможно); акцентировать важность восстановления условий после эксперимента (высадить проростки в грунт, отпустить насекомое на волю).

Формирование навыков фиксации и анализа результатов. Старшие дошкольники учатся использовать простейшие схемы, графики роста (отметки на линейке), календари наблюдений. Это развивает предпосылки научного мышления и дает наглядное доказательство взаимосвязей, например, между регулярностью полива и состоянием растения [4].

Таким образом, грамотно организованное экспериментирование с объектами живой природы позволяет перевести экологическое воспитание из плоскости усвоения норм в плоскость личностного открытия. Ребенок, самостоятельно обнаруживший, что без воды растение гибнет, пронесет это знание через всю жизнь как глубоко личный, эмоционально окрашенный опыт, что и составляет суть подлинной экологической культуры.

Для проведения исследования мы использовали диагностическую беседу «Как ты относишься к природе» (по Н. А. Рыжовой, С. Н. Николаевой) [5], игру-тест «Что хорошо, что плохо» (методика С. Н. Николаевой, адапт. Т. А. Марковой), методику «Помоги природе» (Е. В. Соловьёва, адаптация для ДОУ), методика «Узнай, кто живёт рядом» (по Н. А. Рыжовой, Н. В. Микляевой).

На констатирующем этапе исследования было выявлено, что у детей старшего дошкольного возраста преобладает низкий уровень 50% (10 детей), дети равнодушны, не знают правил поведения, не понимают значимости природы. Средний уровень составляет 42% (8 детей), дети знают правила поведения, но не всегда могут объяснить, почему так делать нельзя, отношение к природе носит ситуативный характер. Высокий уровень в контрольной группе выявлен у 8% (6 детей), дети эмоционально отзываются, проявляют заботу, знают правила, имеют представление о необходимости беречь природу, приводят примеры из личного опыта.

В ходе формирующего этапа исследования был разработан комплекс занятий для экспериментирования с живыми объектами с учетом следующих видов деятельности:

- формирование когнитивного компонента: ребенок не просто получает знания, а моделирует их, наблюдая причины и следствия (например, влияние света на рост растения), что развивает логическое мышление;
- формирование ценностно-смыслового компонента: работа с живым объектом вызывает эмоциональный отклик, воспитывает бережное отношение к природе и понимание хрупкости жизни, формируя экологическую культуру;
- формирование деятельностного компонента: эксперимент предполагает активную самостоятельную деятельность, планирование, поиск решений и формулирование выводов, что переводит ребенка из пассивного наблюдателя в активного исследователя;
- комплексность воздействия: в отличие от других методов, живой объект нельзя «починить» или «выключить». Это требует от ребенка ответственности, терпения и постоянного внимания к изменениям [7].

Для реализации формирующего этапа исследования была оборудована экологическая мини-лаборатория, в которой были:

- различного рода вспомогательные природные материалы (песок и вода);

- инструменты (весы, средства изменения, компас, лупа, часы песочные, магниты, емкости разных видов и объемов и из различных материалов (пластмассовые, металлические, стеклянные);

- бумага, иные средства, которые могут гипотетически пригодиться для экспериментов.

В ходе формирующего этапа исследования оформлялась картотека проведенных опытов, в которую были занесены сведения о строении растений, факторы, которые нужны для их жизни; способы размножения растений, переходы от одного вида к другому с течением сезонов. По живой природе картотека была оформлена по материалам, веществам, магнитам, по формам восприятия – цвет, свет, звук. Очень эффективно были проведены эксперименты по установлению свойств биологических материалов: «Из чего растет дерево», «Вкусняшки для растений», «Растительный детский садик», «Шишка с секретом». Были проведены игры «Давайте поймем воздух», «Воздух-невидимка», «В стакане шторм», «Тяжесть воды и воздуха», «Магия волны», в ходе которых были изучены физические свойства воздуха.

Результаты контрольного этапа исследования показали, что наиболее значительные изменения произошли в группе детей с низким уровнем. Их доля сократилась с 50% до 12%. Дети, ранее демонстрировавшие равнодушие, стали проявлять интерес к живым объектам. Например, ребенок, который на констатирующем этапе прошел мимо упавшего комнатного растения, на контрольном этапе самостоятельно заметил сухую землю в горшке и попросил лейку, пояснив: «Ему же пить хочется, мы же с фикусом эксперимент проводили – без воды листья вянут». Исчезли прямые акты небрежного отношения (сорвать лист без цели, наступить на насекомое).

Положительная динамика выражается в качественном снижении доли детей с низким уровнем экологической культуры; в увеличении и качественном преобразовании группы со средним уровнем (формальные знания сменились пониманием взаимосвязей); значительном росте числа детей с высоким уровнем, для которых бережное отношение к природе стало осознанной личностной позицией, подкрепленной собственными исследовательскими действиями и эмоциональным опытом.

Таким образом, экспериментирование играет ключевую роль в формировании экологической культуры дошкольников. Этот метод позволяет детям не только получать знания о природе, но и развивать ценностное отношение к ней, навыки наблюдения, анализа и бережного взаимодействия с окружающим миром. Экспериментирование с живыми объектами является ведущим средством, так как оно объединяет учение, игру и труд, формируя личность в целом. Гипотеза исследования, предполагавшая, что систематическая организация экспериментирования с живой природой будет способствовать формированию экологической культуры у старших дошкольников, нашла свое подтверждение. У детей не только расширился объем экологических знаний, но и сформировалось эмоционально-ценностное, бережное отношение к живому, а также готовность к практической деятельности по его сохранению.

Литература

1. Афанасьева О.В. Детское экспериментирование как метод познания окружающего

мира // Дошкольная педагогика. 2019. № 5. С. 31-35.

2. Дерябо С.Д., Ясвин, В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 480 с.

3. Маханева М.Д. Экологическое развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста [Текст]: метод. пособие для воспитателей ДОУ и педагогов нач. школы / М.Д. Маханева. М.: АРКТИ, 2004. 320 с.

4. Николаева С.Н. Теория и методика экологического образования детей. М.: Академия, 2013. 272 с.

5. Рыжова Л.В. Методика детского экспериментирования [Текст]: книга для педагогов и родителей /Л.В. Рыжова. Анжеро-Судженский городской округ, МБОУ ДОД «ДЭБЦ им. Г.Н. Сагиль», 2013. 221 с.

6. Рыжова Н.А. Экологическое образование в детском саду. М.: Карапуз, 2001. 432 с.

7. Савенков А.И. Маленький исследователь. Как научить дошкольника самостоятельно приобретать знания. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Национальный книжный центр, 2017. 240 с.

SPRYGINA Elena Viktorovna

Student, N. F. Katanov Khakass State University, Russia, Abakan

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Preschool, Primary and Special Education of N. F. Katanov Khakass State University,
Candidate of Pedagogical Sciences Sagoyakova Natalia Fedorovna*

EXPERIMENTATION WITH WILDLIFE OBJECTS AS A MEANS OF FORMING AN ECOLOGICAL CULTURE AMONG OLDER PRESCHOOLERS

Abstract. *The article examines the role of experimentation with wildlife objects as an effective means of forming an ecological culture among older preschoolers. They emphasize the importance of children's practical interaction with nature for the development of their ecological thinking and responsible attitude towards the environment. The article presents methods and approaches to the organization of experimental activities aimed at studying wildlife, as well as discusses the results of the implementation of such practices in the educational process.*

Keywords: *objects of living and inanimate nature, older preschool children, ecological culture, experimentation.*

ПСИХОЛОГИЯ

БАГЛЕЙ Артём Витальевич

студент, Греко-славяно-латинская академия, Россия, г. Ростов-на-Дону

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ НЕОТЛОЖНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания медицинских работников служб неотложной медицинской помощи. Актуальность исследования обусловлена высокой профессиональной нагрузкой, эмоциональной напряженностью и необходимостью принятия быстрых решений в условиях дефицита времени, что повышает риск формирования синдрома эмоционального выгорания.

Ключевые слова: медицинские работники, синдром эмоционального выгорания, самообладание, личность, психика.

На современном этапе развития здравоохранения профессиональная деятельность медицинских работников сопряжена с постоянными изменениями требований к качеству оказания медицинской помощи. В самых разнообразных научных источниках неоднократно говорилось о некачественной медицинской помощи, оказываемой службами неотложной медицинской помощи, особенно при первичном осмотре в силу перегруженности как пациентами, так и документацией, о том, что на каждого пациента отводится минимальное количество времени, за которое невозможно не только понять, что случилось у пациента, а тем более качественно разобраться в жалобах [4, с. 166-169].

Высокая ответственность за жизнь и здоровье пациентов, эмоциональная и умственная нагрузка в конечном итоге могут спровоцировать появление у медицинских работников синдрома «эмоционального выгорания», развитие которого связано именно со спецификой профессиональной деятельности [5, с. 70-73].

Исследования М. Г. Чухровой [10, с. 184-190], В. И. Хаснулиной [11], Овчинниковой А. А. [7], показывают, что эмоциональное выгорание негативно сказывается не только на личном благополучии медицинских сотрудников, но и на качестве предоставляемой медицинской помощи, повышая риск совершения грубых профессиональных ошибок и снижения

удовлетворённости пациентов [3]. Синдром эмоционального выгорания – это состояние физического, эмоционального и психического истощения, возникающее вследствие длительного профессионального стресса, особенно в профессиях, связанных с высокой ответственностью, интенсивным взаимодействием с людьми и работой в напряженных условиях [2]. В международной классификации болезней МКБ-11 СЭВ обозначается как «burn-out» (QD85) и рассматривается как профессиональный феномен, возникающий в результате хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен [10, с. 184-190]. Он не классифицируется как отдельное психическое заболевание, но относится к факторам, влияющим на состояние здоровья [11].

Именно поэтому становится актуальным изучение факторов, которые способны сформировать здоровые паттерны в поведении, которые будут препятствовать развитию синдрома эмоционального выгорания, а именно – активизировать личностные ресурсы, повышать уровень стрессоустойчивости, работать над саморегуляцией [5, с. 70-73]. Данный синдром чаще всего присутствует именно у сотрудников медицинской службы ввиду постоянно возникающих стрессогенных ситуаций, наблюдение за несчастными случаями и столкновением с эмоциональностью некоторых пациентов. Всё это сильно отражается на

здоровье психики, а также на способности быстро решать возникающие проблемы [2].

Таким образом, становится очевидным, что изучение взаимосвязи личностных характеристик и стратегий совладания со стрессом помогут выработать профилактические и коррекционные меры, которые можно в последующем использовать в психологической и психотерапевтической деятельности.

Для диагностики выборки исследуемых, которая состояла из 20 медицинских работников скорой неотложной помощи (возрастом от 22 до 41 года и опытом работы от 3 до 15 лет) и слабо- и средне-выраженными симптомами СЭВ – ощущение постоянной слабости, сонливости, нехватки энергии и сильной раздражительности, ощущением опустошенности и формализации общения с коллегами. Для них были отобраны следующие методики:

- Методика диагностики МВИ К. Маслач и С. Джексона, при помощи которой можно изучить уровень имеющегося эмоционального истощения, наличия или отсутствия деперсонализации и удовлетворения от работы;

- Шкала стрессоустойчивости Н. В. Киршевой и Н. В. Рябчиковой – направлена на определение устойчивости личности к хроническому стрессу и эмоциональной перегрузке.

- Методика диагностики смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева – позволяет выявить жизненные цели, мотивацию и удовлетворенность личной и профессиональной деятельностью;

- Опросник совладания со стрессом (WoSQ) Р. Лазаруса и С. Фолькмана – используется для оценки ведущих стратегий поведения в стрессовых ситуациях;

- Шкала локуса контроля (Rotter, адаптированная версия) – оценивает склонность личности к внутреннему и внешнему контролю над событиями профессиональной деятельности, что имеет значение для прогнозирования уровня саморегуляции и восприимчивости к выгоранию;

- Методика «16PF» Р. Кеттела, адаптированная – предназначена для изучения личностных черт.

Анализ результатов по методике МВИ показал разную степень выраженности его компонентов. Наиболее выраженным компонентом оказался «эмоциональное истощение», которое было зафиксировано у 41% медицинских работников. Следующим по выраженности показателем выступает редукция

профессиональных достижений, проявляющаяся в снижении удовлетворенности результатами профессиональной деятельности, данный показатель был выявлен у 34% исследуемых.

Анализ результатов по шкале стрессоустойчивости Н. В. Киршевой и Н. В. Рябчиковой показал, что наиболее характерным для медицинских работников является средний показатель устойчивости к стрессу, который наблюдается у 49% участников исследования. Дополнительно было установлено, что у части респондентов (24%) проявляются такие особенности, как повышенная чувствительность к стрессовым факторам и эмоциональное напряжение, возникающее при длительном воздействии профессиональных трудностей. У 27% исследуемых медиков отслеживается способность контролировать собственные эмоциональные реакции, что позволяет им сохранять эффективность деятельности в сложных ситуациях.

По результатам методики СЖО Д. А. Леонтьева наибольшее распространение получил показатель осмысленности жизненного процесса, который был выявлен у 46% испытуемых. Это указывает на то, что данная категория медиков воспринимает собственную жизнь и профессиональную деятельность как значимую и наполненную смыслом, что выступает важным психологическим ресурсом в условиях стрессогенной профессиональной среды. Кроме того, шкала «Цели в жизни», отражающая наличие у медицинских работников наличия устойчивых жизненных планов и стремление к достижению поставленных целей, было отмечено у 36%. По шкале «Локус контроля-я» выявлено 40%, тем самым указывая на наличие склонности к восприятию себя как активного участника собственной жизни, влияющего на происходящие события в ней и дальнейшие последствия.

Опросник Р. Лазаруса и С. Фолькмана показал, что среди данной выборки частой стратегией поведения стал поиск социальной поддержки, он был обнаружен у 28% медицинских работников.

Еще одним частым выбором становится стратегия планирования решения проблемных ситуаций (у 24%). Данные стратегии можно считать конструктивными ввиду того, что возникающие трудности могут решаться эффективно и без избегания.

По методике «Локус контроля» Дж. Роттера был выявлен преимущественно внутренний локус контроля (у 42% испытуемых). Медицинские работники могут воспринимать

происходящие события на работе именно как следствие своих действий, что указывает на ответственное отношение к работе.

По методике 16PF Р. Кеттела были наиболее выражены качества: ответственность, самоконтроль и эмоциональная чувствительность у 45% и 32% респондентов. Однако, были и негативные качества – повышенная тревожность и напряженность (58%), что, по сути, отражает последствия работы, при которой постоянно необходимо мобилизовать свои ресурсы на поиски быстрого решения.

Из положительных качеств ещё выделяются «ответственность и добросовестность» – 41%.

С целью изучения взаимосвязи личностных качеств и стратегий совладающего поведения был использован метод корреляционного анализа Пирсона.

Цель анализа заключалась в определении статистически значимых связей между психологическими характеристиками медицинских работников и особенностями реагирования их на стрессовые ситуации.

В таблице указаны результаты:

Таблица

Результаты корреляционного анализа

Личностные характеристики	Планирование	Поиск соц. поддержки	Эмоциональное реагирование	Дистанцирование	Избегание
Самоконтроль	0,44*	0,27	-0,36*	-0,29	-0,31*
Ответственность	0,39*	0,22	-0,28	-0,25	-0,27
Эмоциональная чувствительность	0,31*	0,24	0,34*	0,21	0,20
Напряженность	-0,31*	0,19	0,42*	0,38*	0,36*

Как можно заметить, значимые взаимосвязи между собой показывают, что:

- Планирование решения проблемы и поиск социальной поддержки положительно связаны с самоконтролем ($r=0,44$, $r=0,27$), ответственностью ($r=0,39$, $r=0,22$), жизненными целями ($r=0,38$, $r=0,35$) и стрессоустойчивостью ($r=0,42$, $r=0,31$). Это говорит о зрелости исследуемых лиц, об их умении использовать продуктивные способы преодоления профессионального стресса.

- Среди дезадаптивных стратегий можно выделить эмоциональное реагирование ($r=0,44$, $r=0,27$), дистанцирование и избегание ($r=0,21$, $r=0,38$, $r=0,36$), которые положительно коррелируют с эмоциональной чувствительностью и напряженностью ($r=-0,36$, $r=-0,29$), и имеют малую связь с самоконтролем и стрессоустойчивостью. То есть тревожным и эмоционально восприимчивым сотрудникам тяжелее совладать с большим потоком эмоционального стресса и нагрузки.

Личностные ресурсы и устойчивая психологическая структура личности напрямую связаны с выбором стратегий совладания. Развитие самоконтроля, стрессоустойчивости, целеустремленности и внутреннего локуса контроля может повышать использование конструктивных стратегий и снижать риск эмоционального выгорания у сотрудников медицинской службы.

Литература

1. Аббабаков В.А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Речь, 2014. – 166 с.
2. Апчел В.Я. Стресс и стрессоустойчивость человека. – СПб.: Военно-медицинская академия, 2019. – 85 с.
3. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Питер, 2015. – 278 с.
4. Зыков А.В., Крутых Е.Г. Эмоциональное выгорание медицинских работников скорой помощи // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 166-169. – URL: <https://moluch.ru/archive/261/60309> (дата обращения: 16.03.2026).
5. Каусова Г.К., Ибраева А.Ш. К вопросу синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников скорой медицинской помощи // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 9-2. – С. 70-73. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5834> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Касимовская Н.А. Медико-социальные и профессиональные факторы дезадаптации сестринского персонала: дис. канд. мед. наук: 14.00.33. – М., 2008. – 144 с.
7. Овчинников А.А., Султанова А.Н. Сравнительный анализ уровня самооценки, самооценки и успешности адаптации студентов-мигрантов и российских студентов

[Электронный ресурс] // Медицина и образование в Сибири. – 2014. – № 3. – URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1438 (дата обращения: 10.03.2026).

8. Орёл В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 3. – URL: <http://psyjournal.ru/articles/fenomen-vygoraniya-v-zarubezhnoy-psihologii-empiricheskie-issledovaniya> (дата обращения: 10.03.2026).

9. Сидоров П.И., Соловьев А.Г., Новикова И.А. Синдром профессионального

выгорания. – Архангельск: Северный государственный медицинский университет, 2007. – 176 с.

10. Чухрова М.Г., Потапов А.С., Гафуров В.В., Кабанов Ю.Н., Морозова Н.И. Психосоциальные детерминанты здорового образа жизни и роль образовательного процесса в формировании здоровья молодого поколения // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3 (15). – С. 184-190.

11. Хаснулин В.И., Чухрова М.Г. Психология здоровья: учебное пособие. – Новосибирск: Альфа Виста, 2010. – 312 с.

BAGLEY Artyom Vitalievich

Student, Greek-Slavic-Latin Academy, Russia, Rostov-on-Don

STUDY OF THE PECULIARITIES OF EMOTIONAL BURNOUT SYNDROME IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF THE EMERGENCY MEDICAL SERVICE

Abstract. *The article discusses the problem of emotional burnout of medical workers of emergency medical services. The relevance of the study is due to the high professional workload, emotional stress, and the need to make quick decisions under time constraints, which increases the risk of developing burnout syndrome.*

Keywords: *medical professionals, burnout syndrome, self-control, personality, and mental health.*

КОТЕНКО Валентина Васильевна

учитель-логопед, ГБУ ССЗН «Ровеньский центр социальной помощи семье и детям «Семья»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

СОЛОВЬЕВА Оксана Николаевна

педагог-психолог, ГБУ ССЗН «Ровеньский центр социальной помощи семье и детям «Семья»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

ИВАНОВА Лиана Васильевна

дефектолог, ГБУ ССЗН «Ровеньский центр социальной помощи семье и детям «Семья»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СЕНСОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАБОТЕ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ

Аннотация. В статье описано влияние сенсорной интеграции на активизацию и коррекцию речи детей через стимуляцию всех органов чувств.

Ключевые слова: сенсорная интеграция, органы чувств, развитие речи, мелкая и крупная моторика.

Сенсорная интеграция – это взаимодействие всех органов чувств. Она начинает развиваться уже в утробе матери и предполагает организацию всех ощущений из окружающего мира так, чтобы мозг обеспечивал эффективные реакции, а человек мог адекватно себя вести, в соответствии с происходящей ситуацией. Например, когда мы ощущаем на себе лучи жаркого солнца, видим его, осознаем происходящее и одеваемся соответственно погоде. Всё то, что мы получаем от органов чувств, а это – зрение, слух, осязание, вкус, обоняние, движение (вестибулярная система), чувство положения тела в пространстве (проприоцепция) обрабатывается в мозге и дает нам сигнал о том, как нам вести себя с полученными знаниями.

Чем правильнее работают сенсорные системы, тем больше достаточной информации получает мозг и выдает больше правильных ответов. Ребёнок, услышав название какого-либо предмета, смотрит на него, ощупывает, нюхает и понимает, о чём идёт речь.

О нарушении сенсорных процессов ребенка можно уже судить, если он начал поздно сидеть, переворачиваться, ползать, ходить, использовать игрушки. В дальнейшем у ребёнка может быть задержка речи, нарушение концентрации внимания, трудности при ориентации в пространстве, а также проблемы во взаимодействии со сверстниками.

Дисфункция сенсорной интеграции разной степени может быть у детей с различными нозологиями: интеллектуальными нарушениями, аутизмом, с тяжелыми нарушениями речи (алалией), задержкой психического развития, так же наблюдаются у детей, воспитываемых в условиях сенсорной депривации, например домах ребенка, и даже выступает отдельным нарушением у здорового ребёнка.

У детей с нарушением сенсорной интеграции могут наблюдаться следующие симптомы: недоразвитость мелкой и крупной моторики, расстройства мышечного тонуса, трудности в концентрации внимания, быстрая утомляемость, импульсивность, задержка развития речи, трудности в обучении, слишком низкий или слишком высокий уровень двигательной активности, нарушение координации движений, отказ от социальных контактов и коммуникации, нарушение пищевого поведения, отсутствие планирования, ослабленный контроль поведения.

Специалистам, работающим с такими детьми, иногда непросто разобраться, это просто сложный характер ребенка или нарушение сенсорной интеграции. Дети с такими нарушениями излишне эмоциональны и плаксивы, тревожны, агрессивны, ведь им сложно понять инструкцию взрослого, сконцентрироваться на главном, особенно если вокруг очень много различных раздражителей.

В образовательных учреждениях эти дети вызывают много нареканий со стороны сверстников и педагогов. Традиционные методы работы с ними не дают желаемых результатов. Но при обследовании их у неврологов часто отсутствуют патологии и органические поражения головного мозга, которые оказывают влияние на психические процессы у детей.

Сенсорная интеграция – это упорядочивание всех сенсорных сигналов, благодаря чему мозг обеспечивает адекватные реакции тела и формирует мысли и эмоции. Проблемы с сенсорной интеграцией приводят к нарушению общего развития, в том числе и речевого. Сенсорная интеграция – это фундамент более сложной интеграции, сопровождающей чтение, письмо, говорение, игры, движение и адекватное поведение. Поэтому коррекционные педагоги используют в работе метод сенсорной интеграции как развитие речи через стимуляцию органов чувств.

Для того чтобы в памяти ребенка закрепилось любое понятие, он должен увидеть предмет, услышать о нем, попробовать и потрогать его. И только в этом случае в головном мозге формируется нейронная связь, отвечающая за это понятие. Если по каким-то причинам интеграция слабая, и мозг не может получить достаточное количество знаний и дать адекватный ответ, это может привести к проблемам с речью и общим развитием.

Важно понимать, что никакая часть центральной нервной системы не работает изолированно: информация передается от одной её части к другой. Прикосновения помогают видеть, зрение – удерживать равновесие, равновесие – ощущать положение тела в пространстве и двигаться, движение помогает обучению. Мозгу необходима постоянная стимуляция, она возбуждает мозг и создает в нем функциональную активность. Таким образом, становятся возможными движение, дыхание, приём пищи, речь, письмо, чтение и т. д. Стимуляция ведет к увеличению числа связей между мозговыми клетками. С самого рождения дети развиваются только при условии постоянной стимуляции ощущениями от окружающей среды и собственного тела. Насколько качественно ребенок осязает, видит и слышит, настолько успешно оперирует полученной информацией, которую впоследствии он превращает в речь.

Практика работы с учащимися с нарушениями устной и письменной речи подтверждает,

что часто эти нарушения возникают из-за недостатков сформированности пространственных представлений и неточностей восприятия времени, что является следствием недостатков психомоторного развития. У таких детей наблюдаются неточности в координации движений, общая неловкость. В школе у детей формируется плохой почерк, они плохо ориентируются в пространстве листа, путают строчки и клеточки. Как следствие – не успевают работать на одном уровне с одноклассниками и усваивать материал. Устранить проблему можно через восстановление согласованной работы всех сенсорных анализаторов.

Причем без использования упражнений для усвоения пространственно-временных представлений в определении правых и левых частей предметов, пространственного расположения предметов, последовательности предметных и числовых рядов, графического обозначения направлений (лево-право, верх-низ, по диагонали) невозможно решить проблему овладения речью.

Поэтому работа над формированием и развитием речи начинается на основе сенсорной стимуляции. В коррекционную работу необходимо внедрять игры и упражнения по сенсорной интеграции, которые способствуют развитию артикуляционной моторики, фонематического восприятия, автоматизации поставленных звуков и введению их в самостоятельную речь, обогащению словаря, развитию грамматического строя и связной речи. Для решения этих задач в коррекционной работе мы используем различные сенсорные игры. На сенсорный поднос выкладываем нарезанные ломтиками овощи, фрукты, хлебные палочки, соломку или сушки, веточки укропа, петрушки, розмарина. Дети вытягивают губы и удерживают ими соломку, берут фрукты или овощи, облизывают их, толкают языком кусочки фруктов и овощей во рту, учатся их жевать и глотать. Упражнения в игровой форме направлены на развитие произвольных движений артикуляционного аппарата, речевого дыхания с опорой на базовые виды чувствительности. Например, удерживать губами соленую палочку, а языком маленькую баранку, сдвигать с языка кусочки бумаги. Визуализация сенсорного подноса важна для детей с особенностями развития, особенно с трудностями понимания речи.

Погружая руку в сенсорную коробку или мешочек, ребенок испытывает сенсорное

раздражение и пытается узнать, какой предмет там находится.

Во время артикуляционной гимнастики развиваем мимическую мускулатуру с помощью самомассажа ложками, мячиками и колечками. При выполнении этих упражнений дети учатся дифференцировать носовое и ротовое дыхание.

На логоритмических занятиях мы осуществляем взаимосвязь речи, музыки и движения. Восприятие речи и движения осуществляется единой анализаторной системой, поэтому недостатки речевой системы можно компенсировать с помощью музыки. Эти занятия помогают предотвратить утомление, поддерживают у детей познавательную активность.

Большая часть логопедической работы отводится автоматизации поставленных звуков. При автоматизации и дифференциации звуков для привлечения интереса детей используем резиночки для волос, губки для мытья посуды, фольгу, крупы, прищепки. Цветные резиночки надеваем на пальцы по предложенной взрослым схеме. В гречке, фасоли, фольге дети находят мелкие предметы, на поверхности из манки или песка пишут пальчиком буквы. Для усвоения пространственно-временных представлений снимают прищепки перекрестно левой и правой рукой, прыгают на полусферах или по кочкам, идут по заданному маршруту, преодолевая препятствия. Выполняя инструкцию взрослого, правой и левой ногой сбивают губки для мытья посуды. Для усиления сенсорных ощущений дети ловят удочкой рыбу из надувного бассейна с теплой или холодной водой. Во время упражнений дети практикуются в многократном проговаривании звуков, слогов, слов.

Использование сенсорной интеграции способствует формированию у детей представлений о предметах и явлениях окружающей действительности, что развивает и активизирует связную речь, совершенствует лексико-грамматический строй речи. С этой целью мы проводим следующие игры и упражнения:

- найди предмет и опиши его;

- узнай предмет на ощупь и опиши его;
- узнай сказку по её героям и расскажи её;
- загадай и опиши предмет, не называя его;
- найди заданный предмет;
- найди предметы и придумай свою историю.

Совершенно очевидно, что использование сенсорного материала на коррекционно-развивающих занятиях имеет ряд преимуществ, которые делают их использование максимально востребованным. Это помогает вызвать у детей эмоциональный подъём, дает возможность завоевать их доверие, заинтересовать и удивить их, пробудить в них любознательность, позволяет активизировать ощущение, восприятие, зрительно – двигательную координацию.

Сенсорная интеграция позволяет раскрыть резервные возможности каждого ребенка, является действенным средством профилактики вторичных дефектов. Правильная работа сенсорных систем эффективно действует на развитие психических процессов, движения, контакта с миром, оказывает благотворное влияние на поведение детей. Сенсорная интеграция – комплексный метод, который способствует развитию и обучению детей в целом.

Литература

1. Айрес Э. Джин «Ребенок и сенсорная интеграция». Изд. «Теревинф» М., 2012 г.
2. Войлокова Е.Ф. «Сенсорное воспитание дошкольников с интеллектуальной недостаточностью». Изд. «Каро» М., 2005 г.
3. Лынская М.И. Преодоление алалии и задержки речевого развития у детей. Метод сенсорно-интегративной логотерапии. Конспекты занятий. – М., 2015.
4. Сумнительная С.И., Сумнительный К.Е. «Домашняя школа Монтессори сенсорное развитие 2–4 г». Изд. «Карпуз дидактика» 2006 г.
5. Шепель Г.Н. Сенсорная интеграция в логопедической работе с детьми с ОВЗ // Логопед. 2017. № 8.

KOTENKO Valentina Vasilyevna

Speech Therapist, GBU SSZN "Rovensky Center for Social Assistance to Families and Children "Family", Russia, Belgorod region, Rovenki

SOLOVYOVA Oksana Nikolaevna

Psychologist, GBU SSZN "Rovensky Center for Social Assistance to Families and Children "Family", Russia, Belgorod region, Rovenki

IVANOVA Liana Vasilyevna

Psychologist, GBU SSZN "Rovensky Center for Social Assistance to Families and Children "Family", Russia, Belgorod region, Rovenki

**APPLICATION OF THE SENSORY INTEGRATION METHOD
IN SPEECH DEVELOPMENT WORK**

Abstract. *The article describes the effect of sensory integration on the activation and correction of children's speech through the stimulation of all sensory organs.*

Keywords: *sensory integration, sensory organs, speech development, fine and large motor skills.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 13 (299)

Часть III

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 01.04.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40